

Юлианна Клермон

ОН — БОТАН,
ОНА — СТЕРВА
И КТО-ТО ИЗ НИХ
ВРЕТ

СТЕРВА

для ботана

ОТ НЕНАВИСТИ ДО ЛЮБВИ | ЗАБОТЛИВЫЙ ГЕРОЙ | ТАЙНА ЛИЧНОСТИ

Юлианна Клермон

Стерва для ботана

<https://litres.ru/74212184>

Аннотация

ОН – БОТАН. ОНА – СТЕРВА. И КТО-ТО ИЗ НИХ ТОЧНО ВРЁТ

Я – та самая стерва, от которой лучше держаться подальше. Он – тихий ботан, которого никто не замечает.

Вот только именно этот ботан появляется рядом каждый раз, когда у меня возникают проблемы. Но при этом делает вид, что это случайность.

И это очень большая проблема. Потому что его помощь меня бесит, и нам с ним точно не по пути.

Тогда почему меня к нему так тянет? И почему этот ботан иногда смотрит так, будто знает обо мне... всё? Да кто он вообще такой?!

Медленно. Опасно. Не по плану. ✓ ХЭ обязателен ⚠ 18+

Вторая книга цикла «Любовь вне расчёта»

Все истории автономны

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	42
Глава 5	53
Глава 6	66
Глава 7	78
Глава 8	91
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Глава 1

– Анна Викторовна, мы живём в этой комнате уже два года, а ваши заср... ваши перваки только въехали. С какого... почему мы должны им уступать и тащить свои вещи в какой-то гов... непонятную халупу на пятом этаже?

Старательно сохраняю на лице каменно-холодное выражение. Хотя уже хочется головой о стол побиться от тупости новой коменды.

На календаре тридцать первое августа. На термометре – столько же жары. Я липкая, мокрая, мне самой от себя противно. Меня уже мутит от этого всего. С пяти утра замахалась с двумя пересадками тащиться с сумками и пакетами, и вот тебе, здрасьте, – припёрлась, а моя комната занята.

С какого хрена?

Нет, мне вообще наша общага нравится. Выбирай любую комнату и живи. Особенно, если сравнить с... Фу, даже вспоминать не хочется. Но сейчас это уже дело принципа. И имиджа.

– Студентка, м-м...

– Ларина.

– Ларина, вот именно. Это вы только въехали, а не они.

Эта мымра морщит свои пролетарские губищи. Чем она их вообще накрасила? Помадой фирмы «Ку-ку»? Или «Лу-

лу»? Или как там этот трёхкопеечный ширпотреб называется?

– Въезд студентов начался ещё позавчера, все места распределены. И не надо мне тут права качать, – она протискивает свои безразмерные тела между столом и старым креслом, которое жалобно скрипит под слоновым весом, когда она туда плюхается.

Р-р-р. Бесит.

– Мы не только что въехали, – повторяю как для тупых. Меня здесь вообще слышат? Я ей сейчас реально уши прочищу. – Лично я живу здесь третий год. Студентка юрфака Элина Ларина. Спросите любого, меня здесь все знают.

Ещё бы меня не знали. Одна история с Гориним чего стоила.

Едва сдерживаю тягостный рык.

Столько времени на него потратила. Думала – всё, рыбка попалась, закончились мои мытарства. И надо же было так глупо сорваться. Ещё и рыжая эта так некстати нарисовалась... А, блин, хватит! Уже почти год как проехали.

– Я вообще-то в той комнате ремонт делала. Вот этими руками.

Демонстрирую коменде длинные пальцы со свежим маникюром. Иринка постаралась. Последний писк моды. А про ремонт вру. Когда я въехала, там уже было приличненько. Но ей-то откуда знать?

– И мы со старой комендой... то есть с Еленой Григорьев-

ной договаривались, что комната до самого выпуска останется за мной. И за девчонками.

Киваю назад — туда, где молчаливыми клушами мнутя мои подружайки.

Вот когда не надо, рты открывают. А сейчас язык в жопу засунули и стоят. Клуши! Я что, одна тут за всех отдуваться буду?

Как же башка трещит. Сейчас бы лечь да ноги вытянуть...

— Может, вы не в курсе, но так все де...

— Меня ваши старые договорённости не интересуют. И учить меня не надо, — перебивает меня эта крашенная перекисью водорода... дама. — Я двадцать лет отработала заведующей рестораном и уж как-нибудь разберусь с вашей «кухней».

Да что ж такое? Я уже битых полчаса выбиваю назад собственную комнату в долбаном общежитии. Я сейчас реально начну убивать. Дайте мне пистолет. А лучше огнемёт. Я сожгу эту ведьму.

Заведующей она работала. Ага. Администратором при заводской столовке. Знаем уже. Не успела к общаге подойти, мне уже кто надо что надо доложил.

Но то, что эту жирную корову не проймёшь, — это факт.

— Аннушка Викторовна, — меняю тактику, поняв, что от моих цепных сучек помощи не дождёшься, а значит, придётся прогибаться. — Давайте договоримся. Вы нам возвращаете нашу комнату, перваков отправляете в отстойн... то есть

наверх, а мы взамен гарантируем вам спокойствие и порядок на четвёртом этаже. И если что, где и когда пойдёт не так, вы узнаете об этом первой. Идёт?

Многозначительно приподнимаю бровь.

Ну давай...

Соглашайся, гадина! Я тебе последний козырь вываливаю. Ну?!

Жирное тело колыхнется. Мощная грудь вздымается и опадает, в мелких рыбьих глазах появляется характерный блеск.

– А ты, Ларина, умеешь...

– Можно просто Элина, – предъявляю ей свою самую лучшую улыбку. С упорной, многочасовой тщательностью отретированную у зеркала, между прочим. – Аннушка Викторовна, соглашайтесь. Мы не в обиде, вы не в накладе, студии тоже пристроены. Все в шоколаде.

– И на пятом.

Дуры за спиной тихонько угукают и подхихикивают. Выспались. Реально, если бы они мне были не так нужны, я бы рядом с ними даже сра... выгуливать собак не стала.

– Хорошо. И на пятом, – согласно киваю.

А что остаётся...

Наконец эта слониха рождает согласие, и мы, обвешанные сумками и пакетами, прёмся в свою комнату.

– А ну, выметайтесь, – вхожу в родные пенаты без стука, как положено хозяйке, и морщусь. – Это что за бомжами

здесь воняет?

– Фу, ну и запах, – подаёт голос Снежана, выглядывая из-за моего плеча. – Вы что, реально с помойки?

Спокойно, Элина. Убивать ещё не время. Эта идиотка нам пока нужна. Хотя бы для поддержания внешнего статуса. У неё папа в её Мухосранске замглавы администрации работает, а потому на шмотках дочери не экономит.

– Снеж, Элина не про помойку, а про то, что они едят, – из-за правого плеча высовывается острый коготок Милки и указывает на стол, где в хаотичном порядке покоятся пакеты из-под супов быстрого приготовления.

– Девочки, а вы кто? – с ближней к нам кровати, Снежкиной между прочим, поднимается подросток-переросток и лучезарно, как ему кажется, нам улыбается.

Мальчик, а у тебя хоть где-нибудь волосики уже отросли? Три длинных противных волосинки над губой не считаются. А это что? Ты ещё и жвачку жуёшь? Как корова, что ли? Отрыгнул, и снова в дело?

Господи, башка сейчас разломится напололам.

– Кошмарьте отсюда, мальчики, – последнее слово брезгливо выплёвываю. – Это наша комната.

– А наша?..

Перевожу взгляд на валяющегося кверху пузом на Алесиной кровати «батончика». Милый, а ты вообще в курсе, что такое физкультура? Или только жрать умеешь?

– А ваша этажом выше. Где голуби живут под крышей, –

выдаю томно и ласково.

Уже сил нет орать. Мне бы лечь.

– Элинка, да ты поэт, – восхищённо тянет Алеся, наша белорусская красавица, будущая наследница Беловежской пуши. Шучу-шучу. Наследница сети кафе быстрого питания.

– Вас переселяют в комнату пятьдесят восемь, – ставлю точку в этом бессмысленном разговоре. Надоел уже бесплатный цирк с тюленями и морскими котиками.

Мне бы таблеточку аспирина и поспать.

В одном автобусе ребёнок как блаженный орал. В другом бывший партработник несколько часов полоскал мозги, какая нынче мелкая пошла молодёжь, и как он после войны страну с нуля поднимал, а такие, как мы, даже сортир на даче построить не могут.

Историк, блин. Ага, с горшка он её поднимал. В сорок пятом ему максимум памперсы менять надо было. Или тогда ещё не было памперсов?

Ой, да какая мне разница!

Выдыхаю сквозь зубы и иду к своей кровати, где не обращая никакого внимания на наши крики спит какой-то задохлик.

– Эй, – бросаю пакеты на пол, а сумку – ему на ноги, – вставай и освобождай моё койко-место. Спать будешь в другой конуре.

– Ага, и ты освобождай... И ты... – поддакивают подружки, сгоняя перваков со своих мест и скидывая их по-

стельное прямо на пол.

Милке повезло – её койка пуста и даже не заправлена. А потому она с чистой совестью проходит и плюхается на свою кровать, блаженно вытягивая длинные стройные ноги в брендовых туфельках на шпильке.

Ага, её маманя – владелица обувного магазина, и единственной дочери подгоняет всё только самое модное и крутое.

– Слышь, просыпайся, – склоняюсь к так и не пошевелившемуся парню.

Помер, что ли? Касаюсь его плеча двумя пальцами.

И в ту же секунду меня дёргают за руку.

Я даже пискнуть не успеваю, как он переворачивает меня, и через миг уже я лежу на кровати, а этот задохлик нависает сверху, удерживаясь на одной руке, а другой жёстко сжимая запястья за моей головой. Его колено между моих распахнутых ног.

Хрена се, Джеки Чан.

Таращусь в серо-зелёные глаза и офигеваю от наглости.

– Ты совсем охамел? Ну-ка быстро слез, – шиплю гневно.

Это что за перемещения Элины Лариной в пространстве? И что это за... тело в меня упирается?

– Чёрт... – он резко отпускает меня и подскакивает. – Прости. Я... я со сна не понял. Думал, бить идут.

– Элин, ты как? – испуганно пищат мои подружки и таращат на нас глаза.

– Нормально. Этот идиот мне чуть руку не сломал, – сажусь и тру запястья.

Ну вот. Точно синяки будут. Баран. Силу девать некуда. А на вид дрищ дрищом. Но тело крепкое, жилистое. Успела прочувствовать.

И пахнет приятно. Ненавязчиво, но... будоражаще...

Ларина, успокойся! Совсем с ума сошла? Ты же не подросток со спермотоксикозом.

– Кто тебя тут бить собрался? – беру себя в руки и вспоминаю данные обязательства «стучать».

Сдавать всех на полном серьёзе не собираюсь – с этим у новый коменды выйдет косяк. Но дерущихся перваков можно. И даже нужно. У нас тут проблем посерьёзнее хватает, чтобы ещё терпеть, пока цыплятки место под лампочкой поделают.

– Никто, – он щурится на меня из-под длинных пушистых ресниц.

Заигрывает, что ли?

Симпатичный, конечно.

Цепким взглядом быстро оглядываю лицо и фигуру. Глаза, губы, нос – всё на месте. И в целом всё выглядит очень даже гармонично. Стрижка обычная, современная. Не супермодная, но и не овечьими ножницами стрижено. Военная, что ли? В военных я точно не разбираюсь.

Одежда...

Вот с одеждой накладка. Не узнаю фирму. Но точно не

ширпотреб. Кроссовки у кровати тоже ничего так, приличные. И снова никаких указателей бренда.

Зависаю на пару секунд.

Нет. Не могу определить.

Итак, что мы имеем? Симпатичный высокий мальчик. Волосы русые, немного выгоревшие на солнце, слабый загар интересного оттенка. Не борец – это сразу видно, но однозначно силён. Одежда – предположительно качественный Китай.

Вывод.

Сын какого-нибудь офицера не самого высокого чина. Жил где-то на юге – возможно, ближе к границе с тем самым Китаем.

А это значит...

Это значит, что я не про твою честь, цыпа. Ни ты, ни твои родители никогда не заработают столько, сколько мне нужно. А мне нужно много. Желательно сразу всё.

И чего он всё щурится?

– Что значит, никто? – вскидываю бровь. – Вот про этого мистера «Никто» хотелось бы узнать поподробней. Можно сразу с указанием паспортных данных.

– Извини.

– Не поняла, – встаю, отодвигаю его в сторону и начинаю разбирать сумки. – «Извини, я не знаю их паспортных данных?...» Или что? Тогда давай без паспортных. Просто: кто собрался бить, когда и за что. Нам тут разборки в вашем

цыплятнике не нужны.

– Извини, что сделал тебе больно.

Ах ты ж боже мой. Я уже забыла. Меня и не так за руки хватали.

– Проехали.

Достаю из сумки бокс с косметикой, разворачиваюсь, чтобы поставить его на подоконник, и натыкаюсь на этого...

– Слушай, забирай своих дружков и идите в... пятьдесят восьмую комнату. Ю хаус ис хеа, ферштейн? – обхожу его и ставлю бокс на окно.

– Your home is there now. Got it?*

– Что?.. – мозг буксует, башка трещит, ноги отваливаются. Ещё и этот со своей абракадаброй. – Что тебе, болезный? Какой ещё «гатит»? – останавливаюсь напротив.

– Your home is there now. Got it? Так правильно говорить, – спокойно отвечает он, даже не двинувшись с места. – Но там не дом, а комната. Поэтому вместо *home* нужно использовать *room*.

Закатываю глаза к потолку.

Господи, за что ты меня ненавидишь?

– Ты полиглот, что ли? А по-китайски можешь? – складываю руки на груди.

– Могу.

Ага. Значит, насчёт границы я была права.

– Сказать?

Тяжело вымученно вздыхаю, складываю указательный и

большой пальцы и изображаю медитацию.

Что сегодня за день такой идиотский?

– Не надо. Просто освободите жилплощадь. Вы все, – тычу пальцем в молча собирающих сумки бывших захватчиков честно отвоёванной комнаты, – отсюда ту-ту на Воркуту. Андерстенд и ферштейн в одном флаконе, понятно?

– Понятно.

Он наконец двигается. Протягивает руку прямо у меня над головой, нагло нарушая моё личное пространство, так что я почти утыкаюсь носом в его грудь, и достаёт с настенной полки очки.

А ничего так... В очках он ещё прикольной. Солидней, что ли.

Одёргиваю себя.

Элина, ты в своём уме? То щупаешь, то нюхаешь... Теперь пялишься. Очнись уже! Это первак из такого же Задрипинска, как и ты. Если не хуже.

– Долго ещё ждать? – капризно тянет Алеся, постукивая по полу носком модной кроссовки.

– Почти всё, – Батончик сгребает со стола всё подряд прямо рукой, а я непроизвольно морщусь и вдруг ловлю точно такую же реакцию у ботана.

О, ботан! Точно!

– Слушай, ботан, – тычу ему в грудь пальцем. – К тебе дело есть. На сто рублей. Если у вас там на этаже что не так – ну там драка или ещё какая запрещёнка – свисти мне по-

тихому, о'кей? С меня защита. Обещаю, никто не узнает, кто сдал. Ну и так можешь обращаться, если что. Меня здесь все знают. Будешь как у мамки под крылом. Ферштейн?

Вместо ответа этот... хам наклоняется, достаёт из-под кровати спортивную сумку, закидывает её на плечо и идёт к двери.

Провожая его недоумённым взглядом.

– Эй, я вообще-то с тобой разговариваю.

Я фигею в этом зоопарке. Меня сегодня хоть кто-нибудь слушает?

Он подходит к двери, толкает её и...

– Слышь, ботан, Элина вообще-то с тобой разговаривает, – возмущённо хмурится Снежана, терпеливо дожидаящаяся освобождения своей кровати. Всё-таки в её непроходимой глупости есть и плюсы – всегда подаёт голос, когда хозяйку обижают.

Он оборачивается, пропускает спешно вываливающихся «сожителей», спокойно смотрит на Снежану, а потом переводит взгляд на меня.

– Я услышал.

– Что ты услышал? – фыркает Милка.

– Комната пятьдесят восемь, пятый этаж. Understand и Ich hab's verstanden** в одном флаконе. Я понял, Элина.

Он тихонько прикрывает за собой дверь.

Стою и молча хватаю ртом воздух.

И что это сейчас было?..

* Твой дом теперь там. Понял?

** «Понял» и «Я понял» в одном флаконе (англ. и нем. языки)

Глава 2

– Совсем перваки оборзели, – капризно дует губы Алеся, застилая кровать.

Кровать!

Да твою ж...

Откидываю казённое шерстяное одеяло. Так и есть – застелена.

– Я что, сегодня вообще всё за всех делать должна? – злобно рычу, сдёргивая с подушки наволочку. – Что за день?!

– А ты выкинь всё в окно, пусть по улице потом собирает, – советует Снежана, развешивая на плечики свои ультрамодные тряпки.

Кидаю на неё убийственный взгляд. Я сейчас тебя в окно выкину. Советчица, блин. Может, тогда маманя себе новую дочь родит. Нормальную.

Поймав мой посыл, Снежка затыкается.

– Элин, ты смотрела, какие завтра пары? – Милка уже заправила кровать, покидала в шкаф вещи и ковыряется в косметике.

– Сама посмотри. Хоть что-нибудь без меня сделать можете?

– Я посмотрю, – Алеся скроллит пальчиком по экрану новенького телефона. – М-м... Гражданка, потом уголовка и...

две пары международного. Фигасе, понаставили...

Да кто бы сомневался. Праздник знаний.

Застилаю своё бельё и накидываю сверху пушистый плед. Казённое одеяло отправляю в шкаф.

– Так, – сажусь на кровать и устало разминаю шею, – я мыться и спать. Меня не кантовать, пока сама не встану.

– Элин, а может, мы пока погуляем? Ну... пока ты спишь. Посмотрим, кто, чего и как, – заискивающе тянет Снежана.

Знаю я, кто и чего ты хочешь. Новые джинсы свои выгулять.

– Валите, – милостиво разрешаю. – Заодно пожрать на вечер купите. Если этот... ботан припрётся, отдадите ему его тряпки.

Тычу пальцем в стул с аккуратной кучей чёрного в серую полоску белья, запикиваю свои шмотки в шкаф и тащусь в душ. Вернувшись, закидываюсь обезболкой, валюсь без сил на кровать и отключаюсь.

Просыпаюсь от того, что в коридоре что-то с грохотом падает и раздаётся звонкая девичья ругань.

Выковыриваю из-под подушки телефон. Семь вечера. Моих куриц ещё нет. И где их черти носят?

Сажусь на кровати, тянусь до хруста. Первый раз за последнюю неделю нормально поспала. Хоть и недолго, но с кайфом.

Голова больше не раскалывается, только в висках слегка тянет. Но это терпимо.

Взгляд цепляется за стул. Вот идиот. Так и не забрал свои тряпки. У него что, с собой десять комплектов? Или он реально думает, что я тут сижу и жду его в любое время дня и ночи?

По-любому вспомнит только тогда, когда уже соберётся спать. Как все нормальные ботаны. Всё через задницу и обязательно не вовремя.

Натягиваю лосины и короткий кроп-топ, на ходу собираю волосы в высокий хвост, скользя пальцами по гладким прядям. Иринкина краска просто огонь, и вкус у неё, однозначно, есть: холодный блонд – самое то для моего образа.

Хватаю постельное и вылетаю из комнаты.

Народа немного. То ли ещё не все заехали, то ли из-за жары свалили в город. По пути попадаетесь только смутно знакомая пышка из комнаты в конце коридора. То ли Яна, то ли Лена.

Чем мне нравится четвёртый этаж – здесь все свои. И чужаков, особенно перваков, здесь не приветствуют. Елена Григорьевна это понимала, поэтому если где-то освобождалось место, туда сразу заселяли «своих». А с новой комендой... Чёрт её знает, что она уже успела наворотить.

– Привет, э-э... – торможу пышку.

– Лина.

Не Лена и не Яна. Но всё равно близко.

– Лин, скажи, новых на этаже нет?

Она задумывается, хмурит брови. Кто ей делал этот пер-

манент? Руки бы оторвать за такую работу. И ведь небось ещё и заплатила.

– Кажется, нет. Только в сорок пятую каких-то перваков заселили, но Кристинка с Викой сходили к коменде и быстро разобрались, – она понижает голос. – Крис сказала, что им пришлось эту Аву подмазывать.

– Кого подмазывать? – торможу. – Аву?.. Вы ей уже кличку дали? А и В потому что? Как Елена Григорьевна была ЕГЭ?

– Ага. Типа того, – смеётся пышка. – И потому что собака сутулая. А ты куда? Стираться? Вроде ж только приехали.

Не поняла... Опускаю глаза вслед за её взглядом.

– А, нет. Это я благотворительностью занимаюсь, – прячу бельё за спину. Ещё не хватало, чтобы сплетни пошли. – Ладно, спасибо. Пока.

Быстро сваливаю и ныряю на лестницу.

Вот блин. Осталось только, чтобы по этажу разнеслось, что Элина первакам постельное стирает.

Поднимаюсь на пятый и сразу попадаю в натуральный бедлам.

В коридоре шум, гам. Студioзы носятся туда-сюда. Какой-то придурок едва не обжигает меня горячей сковородкой.

– Смотри, куда прёшь, идиотина! – шиплю ему вслед. – Хоть бы извинился.

Лавирую между дикими, словно сорвавшимися с поводка

перваками, и наконец добираюсь до нужной двери.

Стучу. Всё-таки комната не моя.

И я не быдло, кто бы там что ни думал. Манеры имеются.

– Открыто.

Захожу.

Охренеть...

– Перекись и бинт есть? – кидаю бельё на ближайший стул, подлетаю к ботану и перехватываю его ладонь, зажимая рану.

Кровищи-то сколько...

– Нет.

Сидит на стуле. Рядом пакет с картошкой, а на столе кастрюлька с... ну не знаю. Я бы сказала, что он чистил картошку, но по факту он, кажется, просто вырезал серединки, а всё остальное отправлял в очистки.

– Чистая тряпка, платок, полотенце есть? – оглядываюсь, не отпуская его руку. – Да что ты мне в ладонь вцепился? Я держу твою рану. Полотенце где?

– В сумке.

– В сумке... – передразниваю. – Запасные руки там же?

– Руки?..

– Ноги, блин. Кровать твоя где?

– Там, – кивает в угол у окна.

Тащу его за собой к кровати, присаживаюсь и ныряю под неё за спортивной сумкой. Одной рукой роюсь в шмотках.

– Вот. Зажми, – резко убираю свою ладонь и прижимаю

полотенце к порезу. Оно тут же пропитывается кровью. – Да держи ты крепче. Сначала кровь остановим, потом решим, ехать зашивать или обойдётся. Как ты так умудрился?..

– Парни сказали почистить картошку...

Почистить, блин. Сами шлятся, а он батрачит? Нашли дурака.

– Ой... А нас и отсюда выселяют? – в дверях с батоном и упаковкой сосисок появляются Батончик и всё ещё жующий жвачку Бубль гум.

Гневно свожу брови.

– А ну-ка идите сюда.

Перваки делают неуверенный шаг вперёд.

...Пока ботан сидит на кровати с полотенцем на руке, я успеваю раздать приказы. Бубль гум, которого зовут Степан (Степан, а мне твоё имя надо?) отправился за аптечкой к вахтёрше, а Батончик – в туалет за ведром и шваброй.

– Я не умею мыть полы, – обиженно сообщает толстяк, неловко вытирая тряпкой пол. – И я крови боюсь.

– Не ной, блин. Как ты в армию пойдёшь, родину защищать? – заливаю рану перекисью и осторожно промокиваю куском бинта.

Так, посмотрим...

Кажется, обойдёмся без услуг хирурга.

Быстро забинтовываю ладонь.

Степан стоит рядом и услужливо держит аптечку. А как по мне – тупо уваливает от работы.

Ну, это мы сейчас исправим.

– А я не пойду, – сообщает любитель батонов, он же Батончик. – Мама с бабушкой говорят, что там меня будут обижать и плохо кормить.

Слышу над ухом тихий хмык.

Что ты хмыкаешь? Как ты со своим папой-офицером жил, если даже нож в руках держать не умеешь?

– Так, не шевелись, – говорю ему грозно, фиксирую бинт и поднимаю взгляд на Степана. – А ты – живо чистить картошку, потом мыть и... жарить, варить, тушить... Или что вы там собрались с ней делать?

Поворачиваюсь к Батончику и ставлю руки в бока.

– Теперь ты! – хмуро смотрю на него. – Быстро прекратил устраивать аквапарк. Тряпку вымой, отожми и вытирай пол нормально. А то обижать тебя начну я. Прямо сейчас.

– А почему я?.. – тянут эти два... р-р-р, слов на них не хватает.

– Мы в магазин ходили, а с него – картоха, – добавляет Бубль гум.

Так... Значит, я права? Сами смылись, а грязную работу на ботана спихнули? Ну я вам сейчас устрою.

– Потому что он, – указываю на спокойно взирающего на всё ботана, – у вас теперь временный инвалид. И раз уж вы додумались доверить нож тому, кто его в жизни в руках не держал, то и отдуваться будете сами.

– Так он сам согласился, я только предложил! – возмуща-

ется Батончик.

– Всё! – рывкаю, окончательно теряя терпение. – Рты закрыли и работаем. Я вам не мамочка и уговаривать не буду. Либо так, либо ближайший месяц будете дежурить на уборке сортира. Я понятно объясняю?

Батончик хватает тряпку и натирает пол, длинный быстро чистит картошку, а я швыряю окровавленное полотенце в пустой пакет, усаживаюсь на подоконник и, вытирая руки найденными здесь же влажными салфетками, наблюдаю за этим воспитательным процессом.

Ловлю на себе взгляд ботана. Молчит. Смотрит. И хоть бы бровью повёл. А у тебя вообще эмоции есть? Или ты по жизни партизан?

Показательно дёргаю плечом, кидаю использованные салфетки в пакет с полотенцем и задираю подбородок выше.

– Слушай сюда, – бросаю ботану, когда Батончик уволакивает ведро в сторону санузла, а Бубль гум уходит на кухню с кастрюлькой картошки, – говорю один раз, больше объяснять не буду. Я не знаю, из какой Тьмутаракани ты появился, но в общаге всё просто – либо жрёшь ты, либо жрут тебя. Намёк понятен?

Смотрю ему прямо в глаза.

– Нет.

Недоумённо моргаю. Серьёзно? Он сейчас издевается или правда настолько тепличный?

– Что тебе тут непонятно?

Он спокойно выдерживает мой давящий взгляд.

– А зачем жрать? Нельзя жить мирно?

И вот тут меня реально клинит.

Я что, попала в мультит для дошкольников, где всех учат дружить и при встрече мило пожимать друг другу ручки?

– Милый, ты вообще понимаешь, куда попал? Сообщаю на всякий случай – это не Плезантвилъ. Это общага. Тут за койку у окна, душ без очереди и возможность спихнуть работу на другого люди глотки рвут.

Где он жил? В закрытом гарнизоне на три барака без доступа в реальный мир?

Спрыгиваю с подоконника, делаю пару шагов и останавливаюсь прямо перед ним. Упираю руки в бока. В груди что-то противно скребётся, и я злюсь ещё сильнее.

– Чтобы жить мирно, – цежу, – сначала надо выгрызть себе место под солнцем. В том числе и за счёт таких, как ты. Теперь понял?

Он спокойно кивает. Какой-то непрошибаемый. Может он того, слегка не в ладах с головой? С виду нормальный.

– Тогда скажи, зачем ты согласился чистить картошку, если не умеешь? Не знаешь, как говорить «нет»?

– Знаю, – он поправляет очки и слегка отклоняется назад.

– Тогда в чём проблема?

– Хотел научиться чистить картошку.

Офигенный ответ. А дома нельзя было учиться? Или там тоже мама с бабушкой всё за него делали? А может, он во-

обще всю жизнь в казарменных столовках питался...

– А можно вопрос? – он приподнимает бровь и, клянусь, это его первая живая реакция. Но мне она абсолютно не нравится. Точнее, не нравится его спокойный, но какой-то прощупывающий взгляд, словно он пытается заглянуть дальше, чем можно. – Ты себе тоже выгрызла место?

На секунду теряю самообладание.

Хороший вопрос. Прямо в точку. Но нет, мальчик, ко мне в душу ты не вступишь. Ни ты, ни кто-то ещё. У меня есть цель. А к цели по коврику с цветочками не ходят.

Делаю шаг к нему, наклоняюсь, откидываю хвост за спину и смотрю прямо в глаза.

– Есть акулы. А есть планктон. Я – акула. А кто ты – решай сам. Я просто дала совет. Заметь, бесплатный.

Смотрит на меня молча.

Ну и что ты на меня уставился своими ясными глазками? Я вообще-то правду сказала.

Разворачиваюсь и иду к двери.

– И не вздумай болтать, что я тебе помогала. Иначе пожалеешь, – бросаю через плечо и выхожу.

Кому я вообще что доказываю?

Я вижу этого ботана второй раз в жизни. (И, надеюсь, последний. Случайные будущие пересечения в коридорах альма-матер не в счёт.)

Тогда почему всего за две встречи он умудрился выбесить меня сильнее, чем половина этой общаги за всё время?

– Элинка, ты где ходишь? – с порога налетает Милка.

– Мы такую офигенную новость узнали! – кивает Снежка.

– И я тебе звонила, – с обидой добавляет Алеся.

Обведя их холодным взглядом, подхожу к кровати и выковыриваю из-под подушки телефон.

Экран мигает пропущенными.

Алеся.

Маринка с параллели. А этой-то что надо? Не с кем сплетнями поделиться?

Мама... Я же писала, что доехала. Что уже случилось?

Быстро набираю сообщение Иринке, чтобы позвонила маме.

– Ну и что за новость? – блокирую экран и возвращаю телефон на место.

– Говорят, ректор какого-то сына дипломата к нам пристроил. Прикинь, тоже юрфак, – выпаливает Снежана.

Вот это уже интересно.

– И кто он?

Подхожу к столу, подхватываю из коробки кругляш ролла и закидываю в рот. С лососем. М-м... Как же мне этих вкусняшек не хватало.

– Имя не слили. Но мы уже всё выяснили... – Снежана подпрыгивает в нетерпении выдать сенсацию. – Возле института пару дней назад засветился крутой спорткар. Девчонки сказали, новенького. Зовут Антон Самерский – юрфак, пятый курс...

– Я сразу пробила, – подхватывает Алеся. – Есть такой дипломат – Виктор Самерский. Короче, если сложить два и два... Ну ты поняла, да?

Она суёт мне под нос телефон. Смотрю на фото в соцсетях.

Симпатичный, ухоженный парень. Взгляд уверенный, наглый. Прикид дорогой, импортный.

Губы сами собой растягиваются в улыбке.

Ну здравствуй, рыбка. Ты приплыл туда, куда нужно.

Глава 3

За две недели я выучила расписание Самерского лучше своего и научилась «случайно» оказываться в нужных местах.

Моя стратегия проста, но безотказна: мужики должны думать, что охотятся они. А не наоборот. Поэтому я включила отработанный режим – случайные встречи, касание «ой, извини», трепещущие реснички, взгляд снизу вверх и загадочная полуулыбка.

Он купится. Не может не купиться.

Всех куриц, рискнувших подойти к Самерскому ближе, чем на пять метров, я быстро отправила в зону вымирания.

Как?

С тихими и скромными это было просто. А с зубастыми, как я... Нужно просто знать точки давления. И иногда – их грязные секреты.

И вот сегодня...

Идём якобы случайно мимо кофейных автоматов, притулившихся сбоку от гардеробной нашей альма-матер и оккупированных в данный момент несколькими студиями, в том числе и нужным мне объектом.

Снежка с Алесей весело щебечут, создавая непринуждённый рабочий фон. Милка что-то строчит в телефоне, изред-

ка коротко реагируя на их болтовню.

Ни на кого не обращаю внимание.

Плыву. Несу себя.

Ну?..

– Элина!

Есть.

Царственно-ленивый поворот головы.

Задерживаюсь и сканирую его холодно-игривым взглядом:

– Мы знакомы?.. А, – наморщив носик, напускаю в глаза дымку смутного узнавания, – мы вроде бы где-то пересекались... Кажется, на... уголке? – задумываюсь. – М-м... нет, не помню. Извини.

Отворачиваюсь и плыву дальше, чувствуя спиной ошарашенно-заинтересованный взгляд.

Выхожу из корпуса, спускаюсь по ступенькам, очень довольная собой. Самерский клюнул. План работает. Дальше – дело техники.

– Элин, может, останешься на этих выходных? В «Планете» на субботу какое-то офигенское шоу мутят. Можно сходить, – вздыхает Милка, вышагивая рядом. До общаги десять минут пешком, погода – шикардос, настроение – тоже. – Я бы мать предупредила, что у нас внеплановая подготовка к какому-нибудь проекту.

– Ой, я читала, там стриптиз будет. Мужской, – закатывает глаза Снежана. – Я бы посмотрела...

– И я, – добавляет Алеся и кривится. – Но мне точно не светит остаться. Родичи взяли путёвки на какую-то горнолыжную базу. Придётся ехать. Зачем я им там? Задолбали.

Хмыкаю про себя.

Кто бы мне взял путёвку. Хоть куда-нибудь. Я бы не кричилась и не выпендривалась. Кроме своего Задрипинска и этого регионального города нигде не была.

Ладно. Скоро и на моей улице будет праздник. Только бы с Самерским выгорело.

– Элин, ну что?

Ускоряю шаг, подпускаю в голос холод и зло выплёвываю:

– Ты же знаешь, что я не могу. Если не буду приезжать домой по выходным, мать лишит обеспечения.

Ага... Моей маме самой бы кто это «обеспечение» предоставил. И защиту.

– Ой, ну мать у тебя хуже моей, – вздыхает Алеся. – Моя хоть и контролирует, но не до такой же степени. И квартиру не даёт снять, чтобы там притон не развели... Думает, в общаге я у коменды под надзором.

Подружайки хохочут.

А вообще, их родичи не так уж и не правы. ЕГЭ классная была, своя в доску, а у Авы за две недели вся общага научилась почти строем на кухню ходить и в туалет чуть ли не по расписанию. Гайки закрутила так, что жёсть просто.

Сначала требовала, чтобы все ей стучали. Но стучат ей только перваки. И то друг на друга. Мы же своих не сдаём.

Обозлилась, гадина. Камер кругом понавесила и следит.
Заняться ей нечем, что ли?

Подходим к общаге. Тяну на себя тяжёлую дверь... и в тот же миг она резко распахивается.

Бам!

– Ай! – коротко взвизгиваю и лечу назад.

Не успеваю даже сообразить, что происходит, как меня резко перехватывают за локоть и куда-то дёргают. Мир стремительно вращается, и через секунду я уже стою, уткнувшись носом в чью-то грудь.

Знакомо пахнет.

Поднимаю глаза.

Конечно.

Ботан.

Держит меня и смотрит сверху вниз.

– Ты в порядке?

Мозг запаздывает. В голове гудит, в ушах стучит собственное сердце, где-то рядом истерично пищат подружки.

– Что?.. – растерянно трясую головой.

– Сильно ударил? Извини. Я спешил, – взгляд быстро и тревожно скользит по лицу. – Больно? Нужно приложить холод.

Тянет руку ко мне, пальцами мягко проводит между бровей.

Моргаю.

Э-э...

Пихаю его в грудь и резко отскакиваю.

– Ты что делаешь? Не видишь, написано: «Руками не трогать»? – огрызаюсь, откидывая хвост назад и морщась от тупой, расплзающейся по голове боли.

– Извини, – он хмурится, по-прежнему пытаюсь что-то вычитать на моём лице. – Я выходил. Ты открыла дверь одновременно. И... я не трогал. У тебя будет шишка. Нужен лёд.

– Спасибо, доктор. Запишу в блокнот, – фыркаю и машинально касаюсь лба. – Охренеть...

Вот как он это делает? Каждый день перед глазами маячит. Утром по лестнице прямо позади меня спускается, днём в коридорах мимо проходит или вообще внезапно путает аудитории и вваливается в нашу, а по вечерам просто сидит на лавочке у крыльца общаги.

И всё время смотрит.

Всё время одно и то же – нечитаемый взгляд из-под очков, на лице ни одной эмоции и спокойное:

«Доброе утро, Элина. Тебе сегодня тоже к первой паре?»

«Добрый день, Элина. Не подскажешь, где аудитория сто семнадцать «А»?»

«Добрый вечер, Элина. Хочешь получить в лоб дверь?»

Какой, к чёрту, он добрый?

У меня вообще-то была цель, мальчик. А ты только что изуродовал мне лицо.

– Ой, Элин, у тебя такая шишка на лбу! Вот это он тебя

приложил! – подружайки тут же облепляют меня со всех сторон. – Как ты с такой «красотой» ходить будешь?

Пока они вертят меня туда-сюда, разглядывая свежий трофей, ботан перепрыгивает через три ступеньки и исчезает за углом общаги.

Кидаю ему вслед прищуренный взгляд и усмехаюсь.

Ну да. Он же «спешит». Удобно. Врезал и пошёл дальше по своим делам.

В комнате первым делом лечу к зеркалу. Лоб красный, опухший, переливается всеми оттенками заката. И шишандра посередине как отдельная достопримечательность. Шик. Просто шик. Я так и знала.

Подружайки суетятся вокруг, охая и хватаясь за головы, будто это у них травма.

– Дайте что-нибудь холодное, – вспоминаю слова сбежавшего вредителя.

– Держи, – Алеся суёт мне бутылку йогурта и смотрит с жалостью.

– А может, тебе в травмпункт обратиться? – озабоченно хмурится Милка.

– Это просто шишка, – поджимаю губы. – Сотряса нет. Посмотрят и отправят обратно. Только зря с такой рожей туда-сюда носиться буду.

Сотряс у меня уже был. Симптомы знаю.

– Тогда, может, приляжешь? – бестолково мечется Алеся.
– Хочешь, я сбегаю за чем-нибудь? Мороженое будешь? Ну,

это, с кусочками фруктов?

Ну конечно. Именно мороженое мне сейчас и поможет. Съем, и шишка растворится, будто не было.

Помощи от моих подружек никакой. Только бесполезная болтовня и суетливое мелькание перед глазами.

– Хочу суши и печёного угря на шпажках из «Мальтийской гусеницы», – цежу.

Специально называю кафе в центре, где нет доставки. Может, свалят хоть ненадолго? Полежу в тишине, а то от их воробьиного щебета голова гудит сильнее, чем от удара.

– Я съезжу, – тут же вызывается Снежана.

– Я с тобой. Помогу, – подхватывает Алеся.

– Езжайте уже все вместе. Я посплю, – отмахиваюсь от озабоченно взирающей на меня Милки.

– А если тебе плохо станет?

– Не станет. Отстаньте уже.

Подружайки исчезают моментально, а я ложусь на кровать и прижимаю ко лбу холодную бутылку.

Отлично. Просто идеально. Подарок судьбы. За какие прегрешения мне на голову свалился этот ботан? Причём, не только метафорически, но теперь и физически.

Телефон вибрирует.

Неохотно открываю глаза. Подношу экран ближе.

«Привет. Посидим через час в кафе?»

На аватарке наглая ленивая ухмылка Самерского.

Выдыхаю сквозь зубы.

Ну твою ж мать...

И как, интересно, я должна идти на свидание с таким украшением? Отличное начало охоты. Просто бомба.

Утыкаюсь лицом в подушку и закипаю.

Что делать? Самерского отпускать нельзя. А идти с такой «красотой»... Это даже не провал – это публичная казнь. С такой шишкой мне теперь даже в туалет страшно выйти. Лоб заживёт, а позор останется. Элина Ларина – рогоносец. Или: Элина Ларина – единорог.

Идиотство.

Рычу, отворачиваюсь к стене и натягиваю плед на голову.

Вот так и бывает. Только продумаешь идеальный план, как выкарабкаться из грязи, а судьба берёт и тычет тебя обратно. И сразу мордой. Чтобы не расслаблялась. Чтобы не забывала, откуда вылезла.

– Гадство... – вырывается сквозь зубы. – Как всё не вовремя...

«Сегодня никак. Давай завтра в семь в “Золотой гусине”», – набираю Самерскому и тут же с силой бью кулаком по стене.

Что изменится завтра? Лоб станет краше? Или я проснусь принцессой?

– А во лбу звезда горит... – шиплю. – Дениска, я тебе оракульные сказки больше читать не буду. К мамке обращайся.

Переворачиваюсь на спину и открываю поисковик:

«Как избавиться от синяка? Быстро»

Так... Холод, бадяга, компресс...

Ладно.

«Как быстро проходит синяк?»

От трёх дней до двух недель?

Ошизеть.

Может, Самерский ещё не прочитал моё сообщение? А, блин, прочитал.

И как теперь быть?!

Барабаню пальцами по бутылке с йогуртом. Больно. И бутылка уже тёплая. Отлично. Просто идеально.

Надо Милке написать. Пусть в аптеку заскочат, что-нибудь спросят. Чего я сразу не додумалась? Идиотка.

В дверь стучат.

– Отвалите! – рявкаю, не двигаясь.

«Милк, купи какую-нибудь мазь от...»

Стук повторяется. Теперь настойчивее.

– Иди нафиг, я сказала! – сжимаю зубы и дописываю: «... от синяков. Только поэффективнее».

– Извини, если ты не одета. Я не смотрю.

Поднимаю глаза и офигеваю.

– Слушай, ботан, а я тебе разрешала входить? Что в слове «отвали» было непонятно?

Что припёрся? Добить решил?

– Я принёс мазь, – он стоит на пороге спиной ко мне и тянет руку с тюбиком. – В аптеке сказали, очень эффективная. Только нужно на свежий синяк наносить. Чем раньше,

тем лучше.

– Я что ска... – осекаюсь.

Чего это я?

У меня рыбка с крючка срывается, а он тут стоит с потенциальным спасением в руке. Сам напортачил, сам теперь пусть и исправляет. Хоть какая-то польза от него должна быть?

– Давай сюда, – протягиваю руку. – Да повернись уже. Я одета.

Он разворачивается и подходит к кровати.

– Фармацевт сказала нанести прямо на повреждённый участок, слегка втереть и оставить минут на тридцать, – спокойно объясняет, протягивая тюбик. – Потом смыть. И на улицу лучше несколько часов не выходить.

Хватаю крем.

– Какая трагедия. А я только в клубешник собралась, – извлю, откручивая крышку.

Мать моя... Ну и воняет же он.

– В клуб? Так сегодня вторник, – ботан растерянно моргает, поплёскивая стёклами очков.

– Это сарказм. Шутка такая, – закатываю глаза.

Выдавливаю на пальцы капельку жидкой коричневой дряни.

Блин. И как мне этим в лоб тыкать?.. Сейчас вся в этом дерьме измажусь.

– Давай помогу, – он забирает тюбик. – Ложись, а я нанесу.

Стоит и пялится на меня.

Любуешься делом рук своих? Ну-ну, любуйся.

Скриплю зубами, но ложусь.

– Глаза закрой. Чтобы не попало, – говорит он.

Р-р-р. Закрываю.

Он присаживается рядом. Матрас тихо пружинит под его весом. Недолгое шуршание, и его пальцы едва ощутимо касаются моего лба.

Воняет эта дрянь, конечно, знатно. Морщусь, чтобы не чихнуть.

– Больно?

– Терпимо.

– Тогда не шевелись. Я постараюсь осторожно.

Слышь?! Ты бы лучше двери открывал... осторожно. А не летел так, словно Ной уже отплыл, а тебя забыли на причале.

Облизываю пересохшие губы и начинаю дышать ртом.

От прохладной мази и едва ощутимых касаний сразу становится легче.

Капец-капец. Только бы никто не зашёл. Увидят меня в таком виде, и мне конец.

Элина Ларина не слабая. Элина Ларина – это сила и яд. Девочка-кобра. Два в одном. А не девочка с обмазанным дерьмом лбом. Что по цвету, что по запаху.

Чувствую на своих губах тёплое дыхание и невольно замираю.

Ты что творишь? Да ты охренел?!

Возмущённо распахиваю глаза и... выдыхаю.

Показалось.

Ботан сосредоточен на моём лбу, просто очень близко наклонился.

Господи, Элина. Ты вообще рехнулась. О чём только подумала?

Успокаиваюсь и разглядываю его.

Брови сведены вместе, ресницы дрожат. Волосы чуть расчёпаны, кожа обветрена, на щеке маленькая ямочка, которая появляется, когда он едва заметно улыбается.

Интересно. Я думала, ему восемнадцать. А сейчас кажется, что больше. Или это из-за очков?

Стоп. Он что... улыбается? Смеётся надо мной?

Ну вот, я же говорила. Стоит только дать слабину, станешь посмешищем.

– Хватит, – хмурюсь и резко отталкиваю его руку.

Сбоку вибрирует телефон. Подхватываю, читаю всплывшее сообщение:

«Замётано, детка. Завтра в семь. Заеду».

Отрываю взгляд от экрана. Ботан спокойно закручивает крышку тюбика.

Хмыкаю.

– Надеюсь, до завтрашнего вечера всё пройдёт?

Он молча встаёт, кладёт мазь на подоконник.

– Я пойду. Через полчаса смой. И... – лезет в карман, достаёт ещё один тюбик, – вот этим потом намажь. Для закреп-

ления эффекта.

Кладёт его рядом и выходит. Дверь тихо закрывается.

Лежу и смотрю на неё несколько секунд.

И по какой непонятной причине мне вдруг хочется швырнуть в дверь этим тюбиком? Почему этот ботан бесит меня больше, чем дурацкая шишка?

Что за хрень происходит?..

Глава 4

Пары на следующий день пришлось пропустить, взяв самоотвод по здоровью.

И ведь даже не соврала. Весь оставшийся вечер и половину сегодняшнего дня мазала лоб принесённой ботаном фигой, искренне надеясь, что шишандра и радужное гало вокруг неё рассосётся.

Но если мазь и помогла, то чудо не сотворила. Пришлось доставать консиллер.

Да...

Вид, конечно, уже не как у алконавта, но и на обложку «Women cool» я тоже не тяну.

– Элин, может, чёлку отрезать? – с сомнением предлагает Снежана, наблюдая за моими мучениями.

– Или телесный пластырь кружочком вырезать и прилепить? – тут же подхватывает Алеся.

Я вам сейчас мозжечок вырежу. Всё равно он у вас чисто для декорации.

– Такси мне лучше вызови, – говорю, хмуро рассматривая своё отражение. – И джинсы из шкафа достань.

– Ты же сказала, что Самерский должен заехать, – напоминает Снежка.

Холодно улыбаюсь уголком губ.

– Был должен – перестал. Сегодня я еду так, как мне удобно. А он пусть мучается догадками. Ты мне джинсы достала?

– Сейчас достану, – Алеся убирает телефон и идёт к шкафу.

– А может, лучше платье? – задумчиво тянет Милка. – Могу одолжить тёмно-синее. Я его ещё ни разу не надевала. Тебе пойдёт.

Закатываю глаза.

– Я не на выпускной иду. Ты мне ещё юбку-карандаш и белую блузку предложи. Полный комплект «примерная девочка».

– А что, прикольно, – смеётся Алеся. – А ещё шпильки. И очки. Будешь вылитая училка.

– Или ботан, – бормочу под нос.

И за каким, спрашивается, я снова его вспоминаю?

Натягиваю джинсы и тонкий серый лонгслив, завязываю волосы в высокий хвост. Несколько секунд разглядываю себя в зеркале, поправляя консиллер. Лоб всё ещё не идеален, но жить можно.

Небесно-голубые глаза смотрят вызывающе. Снаружи – изящная упаковка. Внутри – яд. Свои границы я обозначаю единожды. И пересекать их никому не советую.

Впихиваю ноги в кроссовки, хватаю сумку и глубоко вдыхаю.

Ну что, Самерский... проверим, насколько ты стрессоустойчивый?

Достаю телефон.

«Я уже выехала. Встретимся в кафе», – отправляю и блокирую экран, не дожидаясь ответа.

– Кстати, он сегодня про тебя спрашивал, – догоняет голос Снежаны уже у двери.

– Самерский? – бросаю через плечо.

– Ботан, – смеётся она, приглаживая чёрные локоны. – Пошёл между парами, спросил, как ты себя чувствуешь.

Сердце непонятно и раздражающе дёргается.

– И что вы ответили? – прищуриваюсь.

– Сказали, что без него чувствовала себя лучше, – фыркает Алеся.

– Переживает, бедняжка, – вздыхает Снежка, манерно поправляя невидимые очки, – что ты ему мстить будешь.

Приподнимаю брови, но вовремя вспоминаю, что мимика мне сегодня недоступна.

– А может, действительно отомстим? – предвкушающе улыбается Алеся. – Он тебе вон какую лепёху на лоб залепил.

– И даже не извинился, – добивает Милка.

– Вот именно, – подхватывает Снежка. – Я бы отомстила. Ты же не собираешься спускать всё на тормозах? Или он думает, что мазь купил, и всё тип-топ? А, Элин? Я могу, кстати, Лыгина попросить. Ему вообще всё равно, кого бить.

С силой сжимаю ручки сумки.

– Не надо никого бить, – говорю с нажимом. – Я ему потом отомщу. Сама. И вообще... С каких это пор вы тут решаете

за меня?

Поджимаю губы и обвожу всех тяжёлым взглядом.

– Да мы не решали, – тут же сдувается Снежана. – Просто предложили.

– Давайте, я сама буду решать и предлагать, – выдаю зло и выхожу, хлопнув дверью.

Быстро сбегая по лестнице, не обращая внимания на поднимающихся студиязов. Они испуганно жмутся к стене, считывая на расстоянии, что меня сейчас лучше не трогать. А ещё лучше – даже не смотреть в мою сторону. И не дышать.

Нечего сбивать мне настрой. Охотник идёт охотиться на охотника.

Вылетаю на улицу и...

Да кто бы сомневался?

– Как ты себя чувствуешь, Элина? – ботан смотрит на меня с ближайшей лавочки.

Фыркаю, отворачиваясь, выскакиваю на тротуар и сажусь в подъехавшее такси. Смотрю на проплывающий мимо вечерний город, но вместо свидания с Самерским в голове снова прокручивается разговор с подружками.

Ботана они бить собрались. Что-то расслабились. Давненько я их на предельной скорости не гоняла.

А этот... тоже хорош.

«Как ты себя чувствуешь, Элина?»

Поджимаю губы и отворачиваюсь к окну.

У меня всё прекрасно. Как всегда.

Всё, хватит об этом думать. У меня сейчас другая цель. Выхожу из такси. Бросаю контрольный взгляд в стекло. Стерва на выгуле. Можно начинать охоту.

– Привет, – ровно в семь двадцать захожу в кафе и медленно, с достоинством сажусь напротив. Сумку бросаю рядом. Опоздала ровно настолько, чтобы Самарский начал нервничать. – Надеюсь, ты не успел заскучать.

Он усмехается, демонстративно кидая взгляд на часы.

– Уже начал подозревать, что ты решила проверить моё терпение. Я вообще-то за тобой заезжал. И даже писал.

– Да?.. – моргаю.

Достаю телефон, веду пальцем по экрану.

Держу паузу на секунду дольше, чем нужно.

– А... вот оно, – пролистнув уведомления, открываю прилогу. – Извини, не заметила.

Пожав плечами, спокойно убираю телефон обратно.

Конечно, всё я заметила. Только лёгкая добыча не ценится. Всё как в природе. Чтобы поесть, нужно побегать.

Делаю заказ подошедшему официанту, а после возвращаю внимание Самарскому.

– А я не люблю, когда меня не замечают, – прищуривается, постукивая пальцами по столу.

– Я просто была не в общаге, – склоняю голову набок и демонстрирую ему одну из фирменных улыбочек. – Ты же не обиделся?

Самарский некоторое время молча меня изучает. Словно

пытается что-то понять. Потом недовольно кривится и спрашивает:

– Только не говори, что ты из тех, кто любит, чтобы за ними побегали. Сложная?

– Осторожная.

Он усмехается. Лениво скользит взглядом по залу, задерживается на компании парней, едва заметно кивает им, будто признаёт «своих». Потом переводит взгляд на шумную ватагу студентов у окна и кривится.

– Слушай, ты так говоришь, будто к тебе очередь стоит, – выдаёт язвительно.

Говорит про меня, как про тело. Подавляю раздражённый выдох и зеркалю его самоуверенную усмешку.

– А ты так говоришь, будто привык получать всё бесплатно.

– А если – да? – он подаётся вперёд. – Смысл вкладываться, если все и так дают по-быстрому?

Действительно, если по-быстрому, то какой смысл?

Демонстративно дёргаю плечом и откидываю назад хвост. Что-то он меня уже подбешивает. В альма-матер вроде как не таким был. Или мне казалось?..

– Тогда ты не по адресу, – кидаю холодно, благодарю официанта, который ставит передо мной стакан с холодным напитком и прошу счёт.

Самерский спокойно наблюдает, как я сразу расплачиваюсь.

– Ты слишком многого хочешь для простой девочки с периферии, – говорит, проводив парня, нашего ровесника, неприязненным взглядом.

– А ты слишком привык, что девочки с периферии должны быть благодарны за пустое одноразовое внимание, – сделав глоток, ставлю стакан.

Я уже всё вижу. Завышенное самомнение. Привычку получать желаемое без усилий. Нежелание вкладываться. Раздражение, когда сценарий идёт не по плану. Презрение к низшим по статусу.

Но...

Если всё же выгорит, если мне казалось не тогда, а сейчас, то Самарский – вариант вверх.

Совершенно некстати в голове всплывает другое лицо. Спокойное, сосредоточенное. С дурацкой привычкой смотреть без эмоций. Дрожащие ресницы, когда он, едва касаясь, аккуратно мажет мой лоб коричневой дрянью. И ямочка на щеке от лёгкой полуулыбки...

Элина, ты сейчас серьёзно? Что за мысли? Ботан – не твой вариант. Это страх застрять там, где ты есть.

Глубоко вдыхаю, возвращая себе контроль.

Моя цель – Самарский. А точнее, вывести его на чистую воду и понять – он ли мой шанс вылезти из того болота, в которое мне случилось несчастье попасть.

Хотя... кого я обманываю? Я уже всё про него поняла. Осталось убедиться.

– То есть, это ты здесь выбираешь? – Антон резко подаётся вперёд.

Наклоняюсь ближе и понижаю голос. Чтобы всё понял. С первого раза.

– То есть, если ты думал, что разведёшь меня по-лёгкому, ты сильно ошибся.

Он наклоняется ещё ближе. Между нами остаётся сантиметров двадцать. В нос бьёт запах дорогого парфюма.

Продавливаю физически. Знакомый приём.

– Такие, как ты, девочки с периферии, только кажутся крутыми, – говорит тихо, скользя презрительным взглядом по моему лицу. – А потом быстро ломаются.

Инстинктивно хочется откинуться назад. Но вместо этого я медленно выпрямляюсь и упираюсь ладонями в стол, тоже сокращая расстояние.

Теперь мы на одном уровне.

– Я не сломаюсь. Можешь не надеяться. И погугли на досуге, чем отличаются девочки с периферии от общедоступных.

Он дёргается. В глазах плещется раздражение.

– А разве это не одно и то же? Вы все одинаковые. Только цену назначаете разную. А по факту – обычные дешёвки, – выплёвывает зло.

Всё с тобой понятно, мальчик.

Жаль. Но... без вариантов.

Самерский – обычный мажор-пикапер. Таких нужно тор-

мозить ещё на подступах. Может, кому-то нравится, но мне с такими не по пути. Зря потратила время и нервы.

Делаю маленький глоток напитка и ставлю между нами стакан, обозначая границу.

– Я пойду, – говорю ледяным тоном и приподнимаюсь.

Он резко хватает меня за запястье, дёргая обратно на стул. Сдавливает руку. Не больно, но очень жёстко. Сверлит тяжёлым взглядом.

По позвоночнику пробегает холодная дрожь. Но я тут же беру себя в руки.

– Пустил, – цежу, прищурившись.

– Не забывайся, Элина, – выплёвывает он, поигрывая желваками, – ты не какая-то там звезда. Самая обычная массовка. И такие, как ты, быстро понимают своё место.

Демонстративно медленно вытаскиваю руку из захвата и брезгливо вытираю то место, которого он касался, а потом наклоняюсь и очень вежливо говорю:

– Спасибо за вечер. Было очень... познавательно. И неприятно.

Беру сумку, встаю и ухожу, чувствуя спиной его тяжёлый, злой взгляд.

Иду пешком. Мне нужно остыть и всё обдумать.

Середина сентября, а на улице тепло. Город шумит, бегут с работы уставшие люди, кое-где кучками тусуется молодёжь.

А у меня внутри всё гудит.

Вот же самоуверенный урод.

«Девочка с периферии... Массовка...»

Крепко сжимаю ремешок сумки.

Я не просто с периферии. Я из такого дерьма, милый, что тебе даже и не снилось. Но даже в этом дерьме у меня есть гордость и самоуважение. И я уж точно не позволю хватать себя за руки и пользоваться собой как вещью.

Злюсь. Но лишь плотнее сцепляю зубы.

Потому что на секунду... всего на одну грёбаную секунду мне стало неприятно не из-за его слов. А из-за того, что они задели за живое. И это невероятно выводит из себя.

Прохожу мимо витрины и ловлю своё отражение.

Ровный макияж. Прямая спина. Улыбка стервы на месте. Идеальная картинка.

А внутри – война.

Резко выдыхаю. Заставляю себя успокоиться. Включить голову.

Самерский не хочет вкладываться. Никак. Ни временем, ни вниманием, ни ресурсом. Его цель – лишь попользоваться. Быстро. Дёшево. Без последствий. Ещё и неуравновешенный.

Нет. Я не позволю ему сбить мне прицел. К чёрту его. Он – ошибка маршрута. Временный сбой системы. Не больше.

Впереди виднеется общага.

Лавочки у крыльца свободны. Все, кроме одной.

– Вот и чего сидит тут, словно памятник самому себе, –

цежу зло.— Бесит!

Стискиваю зубы и ускоряю шаг.

– Добрый вечер, Элина. Как прогулялась?

Замечательно. Лучше всех. Чего и вам всем желаю.

Глава 5

– Никак, – цежу сквозь зубы и прохожу мимо.

В сумке вибрирует телефон.

Иринка.

Отвечаю и быстро взбегаю по лестнице.

Сестра сообщает, что ездила сегодня к маме. Там всё как всегда. Очень печально.

– Понятно, – вздыхаю.

Оглядываюсь и натыкаюсь взглядом на ботана, идущего на пролёт ниже.

И чего он именно сейчас прётся? Другого времени не нашёл? Надеюсь, хоть не подслушивает?

Поджимаю губы, а потом едва слышно спрашиваю:

– Ир, а вообще... как она?

– Не очень. Опять к Серёжке рвалась, а этот не пускал. И, кажется, у неё опять проблемы начинаются. Она тебе не звонила?

Не звонила. И я тоже забыла позвонить.

Становится невероятно стыдно за собственное малодушие.

– Ир... – продолжить не успеваю. Сверху по лестнице несётся какая-то девица.

Мы сталкиваемся плечами. Телефон вылетает из пальцев

и бьётся о перила. Ловлю его у самых ступенек.

– Смотри, куда прёшь! – шиплю. – Чуть телефон мне не угробила.

Она останавливается, медленно разворачивается и приподнимает бровь.

– Сама смотри, куда прёшь, коза.

Делаю шаг вниз и холодно произношу:

– А теперь извинилась и пошла дальше. Поняла?

Она криво усмехается.

– А ты кто такая, чтобы мне тут указывать? Коз-за, – смотри, презрительно выгибая тонкую бровь.

Внутри всё спрессовывается в тугой ком – плохое настроение, облом с Самерским, новости о маме...

Хватаю её за плечо, накручивая на пальцы тонкую ткань лонгслива.

– Рот свой закрой, пока я тебе зубы не пересчитала.

– Ну давай попробуй.

Ну всё, гадина. Я предупреждала.

Сжимаю пальцы сильнее, но в этот момент рядом останавливается ботан, и одновременно снизу кричат:

– Кать, ты, блин, идёшь?!

Девушка резко выдёргивает плечо из моего захвата и быстро сбегает вниз.

– Иду! – кричит, а я стою, вонзая ногти в ладони.

Внутри всё кипит.

– Элина, ты в порядке? – спрашивает ботан, скользя по

моему лицу ищущим взглядом.

Поджимаю губы, разворачиваюсь и быстро иду наверх.

В порядке?!

Нет. Я вообще ни хрена не в порядке.

В коридоре вспоминаю, что не закончила разговор с сестрой.

Смотрю на экран. Чёрный.

– Твою ж мать...

Влетаю в комнату, кидаю сумку на кровать и достаю из тумбочки зарядку.

– Ой, Элин... – девчонки, ещё секунду назад хохотавшие, притихают и смотрят на меня насторожённо.

– А мы не ждали тебя так рано... – блеет Снежана, торопливо ставя видос на паузу. – Что, вечер обломился?

– Самерский не пришёл? – хлопает глазами Алеся.

Милка, самая умная из этой троицы, не лезет, молча считывает моё настроение и продолжает что-то строчить в телефоне.

– Самерский ваш – козёл, каких поискать, – бросаю зло. Ставлю телефон на зарядку и плююсь на мёртвый экран. – Ну давай...

– Что, Элин?.. – подрываются подружки, и даже Милка с интересом поворачивает голову, оторвавшись от какой-то «важной» переписки.

– Эта сучка мне телефон разбила, – говорю мрачно.

– Кто?! Что?!

Тут уж ко мне подсказывают все, облепляют со всех сторон, ахают, охают, дают советы.

Жму кнопки, перезагружаю, трясусь. Бесполезно.

– Только летом купила, – шепчу и часто моргаю.

Элина Ларина не плачет. Никогда. И ни при каких обстоятельствах.

– Элин, так кто телефон разбил? – осторожно спрашивает Милка.

Коротко рассказываю историю столкновения на лестнице. На меня сыпятся советы и идеи «найти», «поймать», «выставить счёт».

– Хотите, чтобы меня за эти копейки вся общага высмеяла? – обвожу Снежку и Алесю злым взглядом. – Всё равно он мне уже надоел. В выходные домой поеду, куплю новый.

Что я предъявлю этой сучке? Несуществующий чек на телефон, купленный с рук и уже дважды за лето побывавший в ремонте? Мастер последний раз предупредил: ещё одно падение, и он – труп. Посоветовал взять что-нибудь попроще. Только где я денег возьму даже на этот «попроще»?

Чёрт. Как всё через задницу в этом году.

Не хотела лезть в кредит. Но, похоже, придётся. Потому что красиво жить нужно уже сейчас. Даже если жрать нечего.

С настроением ниже плинтуса написала Иринке в соцсетях, что пока не на связи, и чтобы она писала сюда. Закрыла ноут и отправилась в душ.

Вымылась ледяной водой. Душ у нас сломан второй год

– чтобы включить горячую, нужно крутить вентиль пассатижами, которые обычно лежат на подоконнике.

И вот какой-то твари они понадобились.

Спёрли.

Вернулась в комнату злая и замёрзшая. Отличный набор для полного счастья. Осталось только вшей подцепить – и бинго, Элина Ларина окажется на самом дне.

Высушила волосы и, отказавшись от ужина, рухнула на кровать. Вырубилась почти сразу. Но даже во сне кто-то продолжал меня бесить.

«Ты в порядке, Элина?.. Ты в порядке?..»

Утром просыпаемся от настойчивого стука в дверь.

– Кого там принесло?.. – выдыхаю в подушку.

– Поспать не дают. Первый раз за две недели ко второй паре, и то достали, – бормочет Милка, переворачиваясь на другой бок и залезая под одеяло с головой.

– Чего долбитесь? – громко спрашивает Снежана. Ей до двери ближе всех.

– Ларину к коменде вызывают. Срочно, – доносится из коридора.

– Меня? Зачем? – приподнимаюсь на локтях. Внутри что-то неприятно ёкает.

Милка вылезает из-под одеяла и хмуро разглядывает меня.

– Может, хочет, чтобы ты кого-нибудь заложила?

Пожимаю плечами.

– Кого? Я ничего не знаю. А что знаю, перетопчется.

– А может, про вчерашнее хочет спросить? – садится на кровати Алеся.

– Там же ничего особого не было, – тут же подрывается Милка.

– Так, девчонки, собирайтесь, – тянусь за джинсами. – Всё равно вставать пора. Сейчас схожу и всё узнаю.

Собираюсь как положено. Я же ей не девочка по вызову. И не собачка, чтобы бежать по первой команде. Поэтому не спеша расчёсываю волосы, затягиваю их в высокий хвост, аккуратно прохожусь консиллером по лбу и добавляю лёгкий макияж.

Настроение нулевое.

После пар пойду брать микрозайм. Телефон не восстановишь, а без него никак нельзя. Придётся как-то выкручиваться.

– Я пошла, а вы, как соберётесь, ждите меня внизу, – говорю, уходя. – Зайдём по дороге в кафешку, кофе попьем. Только захватите мои конспекты.

Влившись в поток спешащих на выход студийцев, спускаюсь по лестнице.

– Доброе утро, Элина, – доносится со спины.

Конечно, доброе. Просто сказочное, ботан. Даже не сомневаясь.

– Угу, – бросаю, не оборачиваясь.

– Элин, тебя коменда вызывает. Срочно, – навстречу бе-

жит Лина.

– Я в курсе.

Она останавливается. Потоку приходится нас обтекать.

– А что случилось? – торопливо спрашивает. – Она злая как собака. На меня наорала. А я вообще не в курсе.

– Понятия не имею.

Неопределённо пожимаю плечами и иду вниз.

Стучу и захожу.

Ава сидит за столом, сложив руки на своей необъятной груди и щурясь на меня рыбьими глазками.

– Здравствуйте, Анна Викторовна. Вызывали?

– Проходи, Ларина. Садись. Разговор будет не из приятных.

Я и не надеялась.

Сажусь на стул. Спина прямая. Руки на коленях. Взгляд глаза в глаза. Я ни в чём не виновата.

– Вчера на лестнице произошёл конфликт между тобой и одной из студенток, – она разворачивает ко мне монитор и включает чёрно-белую запись. – Есть жалоба от неё. И есть запись с камер.

На экране мы с той девицей. Звук нет.

Вот мы сталкиваемся, я разворачиваюсь, что-то говорю, дёргаюсь, делаю шаг вниз и хватаю её. Снова говорю... Камера снимает её со спины, поэтому кажется, что девица стоит неподвижно.

– Ты на неё напала, – сообщает коменда.

– Это была не драка, – пожимаю плечами. – Мы столкнулись. Она нахамила, я ответила. И вообще, она не живёт в общежитии. Не вижу проблемы.

Анна Викторовна усмехается.

– Живёт или не живёт – роли не играет. Катя Правест – отличница и медалистка...

Она что-то ещё говорит, а у меня в голове щёлкает. Правест.

– Она что, родственница нашего препода по физкультуре? Поэтому вы её защищаете? – спрашиваю холодно.

– То, что она чья-то дочь, ничего не значит, – кривится Ава.

Дочь? Ну понятно.

– И чего от меня хочет чья-то дочь?

– Для начала – не хами мне и не перебивай, – ярится женщина. – А Катя... на хорошем счету в институте и у преподавателей. Я с ней поговорила, она на тебя не в обиде. Поэтому публично принесёшь ей извинения, и мы замнём эту историю.

Хмыкаю. Вот сразу чувствуется – утро у меня «задалось».

– А если нет?

– А если нет, тогда придётся сообщить ректору о твоём поведении, – стучит толстым пальцем по столу. – У тебя уже два дисциплинарных предупреждения.

В висках пульсирует кровь.

Пытаюсь вспомнить хоть какой-нибудь закон, я же буду-

щий юрист. Но в голову, как назло, ничего не лезет.

Два предупреждения. Это будет последним.

Ректор меня знает. Он разбираться не станет.

Значит, отчисление...

– Драки не было, – повторяю стальным голосом, понимая, что разговариваю со стеной. – А слова – это просто слова. Она оскорбила меня, я оскорбила её. Разбежались. Точка. Какие проблемы?

– Ты, Ларина. Ты проблемная. И мне здесь такие не нужны.

Выслуживается? Или бесится, что прогадала, отдав нам нашу же комнату? Насколько я помню, некоторые, чтобы вернуть свою комнату, её подмазали, а с меня она ничего не поимела.

Сука.

– Ну что, Ларина?..

Не успеваю послать её куда подальше, как в дверь стучат.

– Анна Викторовна, я по поводу регулятора в душевой. Там пассатижи пропали... – слышу за спиной голос, который уже набил оскомину в ушах.

– Аверин, – коменда недовольно прищуривается и поджигает губы, – мне сейчас не до твоей сантехники. Выйди. Не видишь, я занята.

Она раздражённо машет рукой.

– Извините, но у меня ещё одно дело. Срочное.

Слышу движение за спиной и оглядываюсь. Ботан закры-

вает дверь.

Изнутри.

– Аверин, я сказала – выйди, – Ава повышает голос. – Я потом разберусь с твоими делами.

Ботан кивает и... остаётся.

– Вчера на лестнице поругались две студентки, – говорит он совершенно спокойно. – Вы бы посмотрели запись с камеры между третьим и четвёртым этажом. Примерно в девять вечера.

Смотрю на него, открыв рот. Он сейчас серьёзно? Стучит на меня при мне?.. Эй, я вообще-то тут.

Слов нет.

– Глеб, тебя это не касается, – хмуро бросает коменда.

Он подходит и останавливается прямо рядом со мной. Такое ощущение, что он меня не видит.

Сию в шоке.

– Но вы же сами просили сразу сообщать обо всём, что происходит в общежитии. Я потому и зашёл.

– Я в курсе, что происходит у меня в общежитии, – Ава кидает взгляд на монитор.

– Понимаю, – кивает он. – Но там камера звук не пишет. А я всё слышал.

– Аверин! Я не понимаю, чего ты от меня хочешь?

Я вот тоже сейчас ничего не понимаю. Смотрю на него во все глаза.

– Если вы будете разбираться официально, я готов под-

твердить, что это был обычный словесный конфликт. Могу даже передать слова студенток. Дословно. Кто начал первым, и кто что ответил.

Коменда замирает и несколько секунд просто смотрит на него, не моргая.

– Аверин...

Договорить не успевает. За дверью слышится шорох и нервный шёпот, а потом она резко распахивается.

– Анна Викторовна, – в кабинет вваливается Милка, – она не виновата!

– Она сама налетела! И телефон разбила! – вслед за ней влетают Алеся и Снежана, а у меня внутри всё обрывается.

Кто их просил?.. Идиотки. Сейчас вместе вылетим.

Ава багровеет и резко поднимается, упираясь ладонями в стол. Рыбьи глазки вот-вот вывалятся из орбит.

– Вышли вон! Сейчас же!

Подружайки осекаются.

– Выселю! – орёт коменда.

Милка ещё пытается что-то сказать, но Алеся тянет её за рукав.

– Пойдём... – шепчет.

– Элина не виновата, – делает последнее заявление Снежана.

Дверь за ними закрывается. В кабинете снова становится тихо.

Коменда смотрит на меня, потом переводит взгляд на бо-

тана.

– Аверин... – цедит сквозь зубы. – Иди уже.

– Анна Викторовна...

Я в шоке. Он реально непрошибаемый.

– Я только хотел уточнить. Если всё-таки будет подниматься вопрос по вчерашнему инциденту, прошу зафиксировать, что я готов выступить официальным свидетелем. Можно будет приложить вот это видео. Если прокрутите вперёд, увидите, что я был рядом.

Она смотрит на него очень долго, потом медленно выдыхает и садится.

– Никакого инцидента не было. И ничего подниматься не будет. Уходи.

– А Ларина?

Коменда бросает на меня раздражённый взгляд.

– Иди...те. Оба.

Не знаю, кого как, а меня дважды просить не надо.

Вылетаю из кабинета, совершенно обалдевшая.

Вот это ботан. Вот это загнул. Точнее, нагнул. Коменду. Не ожидала.

– Ну что?! – меня тут же окружают подружки. – Что она сказала?! Всё нормально?!

Открываю рот, чтобы ответить...

– Если хочешь, могу посмотреть телефон.

Оборачиваюсь.

Ботан стоит в двух шагах от меня.

– Ты умеешь ремонтировать гаджеты? – тут же влезает Снежана.

– Не все. Но кое-что могу.

Кривлю губы.

– Моему уже не поможешь.

– Не факт. Приноси, я посмотрю.

– Хорошо... Вечером принесу.

Он кивает и спокойно уходит. А я стою посреди холла и хлопаю ресницами.

– Эй... Глеб!

Он оборачивается.

– Это ничего не значит. Не вздумай считать, что мы друзья.

– Я понял.

Могу поклясться, на его лице на долю секунды мелькает едва заметная улыбка.

И эта дурацкая ямочка.

Глава 6

Целый день едва держу маску стервы. Холодной. Собранной. Непробиваемой.

Потому что внутри время от времени трясёт. Вылетать из вуза нельзя, из общаги – тоже. А это едва не случилось. И если бы не ботан...

Что им мои слова? Слова проблемной студентки против слов отличницы и медалистки. Им же неважно, что она напала первой.

А он меня... защищал.

«Могу повторить дословно. Я – свидетель...»

На этом месте внешнее спокойствие снова попыталось дать трещину. Пришлось в очередной раз одёрнуть себя, чтобы не сорваться.

Самерский, с которым мы в этот раз действительно совершенно случайно столкнулись возле одной из аудиторий, лениво и самодовольно ухмыльнулся.

Отзеркалила его взгляд и прошла мимо.

Не интересуется. Больше нет.

Краем глаза заметила девушку, томно вздыхающую и старательно хлопающую ресницами в его сторону.

Хмыкнула про себя. Чем дольше будет вздыхать издалека, тем дольше останется непопользованной. Хотя... люди

разные. Может, кому-то такое отношение даже нравится. Но только не мне.

Вечером взяла телефон и пошла ботану.

Постучав, услышала приглашение.

Захожу.

Сидит одиноко на кровати, прислонившись спиной к стене, и что-то быстро печатает в ноуте. Длинные пальцы мелькают над клавиатурой с бешеной скоростью.

Увидев меня в дверном проёме, резко захлопывает крышку и встаёт.

– Привет, – смотрит спокойно.

– Привет.

Обвожу взглядом комнату. На одной половине обычный студенческий бардак, вещи раскиданы где попало, под кроватями стоит грязная посуда, на тумбочках конспекты вперемешку с крошками и недоеденными кусками печенья, на столе пятна непонятного происхождения и упаковки из-под супов быстрого приготовления.

На другой половине комнаты чистота и порядок. На тумбочке минимум вещей, конспекты аккуратной стопочкой лежат на окне, кровать заправлена.

Странный у ботана отец – с холодным оружием обращаться не научил, зато приучил держать в своём жилище казарменный порядок.

Прохожу внутрь, кладу телефон на чистый край стола. Глеб подходит с другой стороны.

– Ты обещал посмотреть, – вырывается неловко.

Зачем я это сказала? Он же сам сказал приносить.

Он кивает, забирает телефон. Пара быстрых движений по экрану, задумчивый взгляд, и снова короткий кивок.

– Оставляй. Попробую что-нибудь придумать, – поднимает взгляд. – Ты уезжаешь на выходные?

Вопрос застаёт врасплох. Зачем он спрашивает?

– Да. А что? – спрашиваю хмуро.

– Мне нужно понимать, насколько срочно вернуть телефон.

– У меня завтра четыре пары...

– Хорошо. Я постараюсь успеть.

И снова ни на лице, ни в голосе ни одной эмоции. Не холодно. Не сухо. Просто спокойно.

Внутри стойко повисает странное и неприятное чувство... будто утром ничего не было.

Смотрю на ботана и молчу.

Почему-то хочется снова увидеть эту маленькую ямочку на щеке. Он сразу меняется, когда улыбается. Становится каким-то... живым, что ли?

Элина, куда тебя опять понесло? Ещё не хватало, чтобы ты на ботана запала. Он вообще не в твоём вкусе. Ещё и эта дурацкая ямочка...

Он тебе не нужен. Вообще.

Мысленно даю себе оплеуху. Возвращаю холодный разум. Получается плохо.

Внутри что-то противно скулит и скребётся.

Элина, соберись. Соберись!

Злюсь на себя за эту непонятную слабость, которую никак не удаётся победить. Хочется сорваться хоть на ком-нибудь. Мы проходили это на психологии. Кажется, это называется трансфер. Замещение.

– Ладно. Спасибо. Я пойду, – резко разворачиваюсь и иду на выход.

В дверях буквально сталкиваюсь с Батончиком. С неизменным батоном в руках.

– Здравсьте... – мямлит он, протискиваясь мимо и вынуждая меня прижаться спиной к косяку.

Сверлю его прищуренным взглядом. Внутри всё уже кипит и клокочет.

– Что за помойку вы здесь устроили?! – спрашиваю жёстко, выплёскивая на него негатив. – Чтобы через полчаса был порядок! Полы вымыть. Мусор вынести. Понятно?!

Он сглатывает и быстро кивает.

– И если ещё раз такое увижу... – выхожу, оборвав себя на полуслове.

Глубоко дышу.

Становится значительно легче.

Вот так-то, Ларина. Так держать. Ты – стерва. Помни об этом. Ты не должна быть хорошей и удобной. Ни для кого.

Пролетаю по этажу, иногда кивая знакомым девчонкам. Возвращаюсь в комнату.

Подружайки залипают в телефонах.

– Ну что? – отрывается от видоса Алеся. – Есть шанс?

– Пока неизвестно, – делано равнодушно пожимаю плечами.

– Зря ты этой козе счёт не выставила, – поджимает губы Милка, отрываясь от переписки. – Таких учить надо. Чтобы не борзели.

– Да плевать мне на телефон. Только контакты жалко, – устраиваюсь на кровати и открываю ноут, ввожу пароль и с замиранием сердца захожу в соцсети.

– Это да, – кивает она и продолжает болтать про наглых и зарвавшихся перваков.

Снежка с Алесей её активно поддерживают.

Не слушаю.

Читаю пришедшее сообщение. Наконец-то хорошая новость!

Некоторое время переписываюсь.

– Ладно, тихо, – в какой-то момент говорю строго. – Я реферат писать буду. И вы бы тоже хоть что-нибудь на завтра сделали.

Разговор затухает.

До позднего вечера работаю. Действительно пишу реферат.

Утром перед парами меня останавливает Маринка с параллели и страшным шёпотом спрашивает, правда ли, что я две недели не давала прохода Дипломату, как прозвали Са-

мерского, а когда он сказал, что ему не интересно, припёрлась в кафе, где он отдыхал, и вешалась на шею, буквально предлагая себя?

– Элин, я в это не верю, – шепчет Маринка, а сама так и сверкает глазами, – ты же не такая. Я же помню, как Горин за тобой бегал.

Вообще-то за Гориним бегала я... Но в глазах других всё выглядело именно так. До определённого момента. Когда я немного перегнула. Эх, Горин, Горин... Ты против Самерского просто милашка. И где таких мужиков делают?.. Штучный экземпляр.

– Всё было как раз наоборот, – сообщаю, спокойным движением поправляя волосы. – Он меня пригласил. И знаешь, Марин... – закатываю глаза, – не советую. Много понтов из ничего. Как думаешь, почему папаша-дипломат сынишку в наш заштатный вуз отправил?

Перманентные брови девушки вопросительно приподнимаются в ожидании горячей сплетни, а я наклоняюсь вперёд, как бы доверяя секрет, и заканчиваю:

– Непорядок у него. Правда, не знаю, где... Надеюсь, что не там, – кидаю взгляд вниз, указывая на середину композиции.

Маринка хохочет, мои подружайки, облепившие нас со всех сторон, активно поддерживают мою позицию.

Чуть позже договариваюсь с ними аккуратно запустить пару слухов: Самерского я отбрила, потому что он не дотяги-

вал... И многозначительное движение бровями. А там каждый в меру своей распушенности пусть догадывается, где и в чём он не дотягивает.

А Самерский пусть знает: со мной связываться – себе дороже.

После пар возвращаюсь в общагу героем-победителем. Милка с Алесей с последней пары сбежали – у них билеты на поезд, им ехать далеко. За Снежкой заедет отец, а мой автобус ещё через три часа.

Время пока есть, поэтому не спеша идём с ней в общагу.
– Добрый день, Элина.

Первый раз за всё время меня не раздражает ни эта фраза, ни эта фигура, неподвижно сидящая на скамейке.

Машу Снежке, чтобы шла без меня, и быстро подхожу. Глеб молча протягивает телефон.

Беру с замиранием сердца. Даже ладошки потеют. Смотрю на него. Совсем как новенький. Даже не хочется думать, что придётся его выкинуть и взять кредит. Чёртову прорву денег!

Страшно.

– Работает? – спрашиваю охрипшим голосом и включаю. Секунда... Две...

Экран загорается. Перед глазами возникает привычная заставка. Не верю своему счастью.

Не глядя сажусь на скамейку и веду пальцем по рабочему столу. Быстро листаю.

Мои мессенджеры. Мои контакты. Сообщения.

Унимаю дрожащие руки.

Элина, успокойся!

Захожу на почту... Поднимаю задумчиво-вопросительный взгляд на молча взирающего на меня ботана.

– Пароль для акка?.. – спрашиваю растерянно.

Он спокойно приподнимает брови, наклоняется ближе и заглядывает через плечо.

– Пришлось кое-что сбросить. Но основные данные на месте. Пароль помнишь?

Киваю и ввожу. Экран моргает.

Работает.

А мастер говорил... Вот же хапуга!

Меня резко отпускает.

– Глеб, ты – гений... – тихий смех вырывается прежде, чем успеваю его поймать.

Сжимаю в ладонях телефон, моргаю и давлю в себе непонятно зачем вылезшую обычную девочку Элю.

Глеб поправляет очки и кивает.

– Если что-то загрузит, приноси, посмотрю.

Встаёт, засовывает руки в карманы и идёт в общагу.

– Спасибо, – говорю запоздало.

– И тебе, – отвечает, слегка повернув голову.

А мне-то за что? Я же просто... принесла ему сломанный телефон.

...В автобусе знакомых нет. Можно не держать лицо. По-

этому еду домой совершенно счастливая.

Меня даже не пугает то, что сейчас увижу.

Раз за разом достаю телефон и провожу пальцами по экрану. Кажется, он работает даже лучше, чем прежде. Глеб... Он реально гений. И я ему действительно благодарна. Хотя сейчас можно к себе в этом признаться? Хотя бы разочек.

Неужели фортуна повернулась ко мне лицом? Неужели после очередной неудачи мне хоть немного повезло?

Я несказанно счастлива, что не придётся вешать на себя кредит. И даже пересадка с часовым ожиданием старого раздолбанного пазика не понижает настроение.

Приезжаю уже затемно. Выхожу из маршрутки, цепляю рюкзак за плечи и иду знакомыми, плохо освещёнными дворами.

Городок у нас маленький. Все всех знают. Хотя бы просто в лицо. И меня тоже. Я здесь никого не боюсь. И здесь я не стерва. В родном городе у меня другой статус. Потому и сбежала учиться так далеко.

По дороге привычно звоню Иринке, узнаю последние новости о маме и отчине. Чтобы быть в курсе, к чему готовиться. Всё не радужно. Совсем. Как обычно.

– Может, у меня переночуешь? – с беспокойством спрашивает сестра, поставив телефон на громкую и грохоча посудой. – Постелю тебе у Дениски.

– Не могу, – качаю головой. – Ты же знаешь, что мама ждёт. Я лучше завтра после работы к тебе заеду. Дениска,

кстати, мне сказку задолжал. Прошлый раз я ему читала, теперь его очередь. Можешь передать, чтобы готовился. Не будет читать, я ему сюрприз не отдам.

– Сюплиз?! – слышу восторженный визг. – Тётя Эля, я люблю сюплизы! А сто ты мне пливезла?

– А вот и не скажу, – улыбаюсь. – Иначе какой же это «сюплиз»? Ты давай читай про князя Гвидона. Помнишь, где мы закончили?

– Помню! – восторженно пищит четырёхлетнее чудо.

Слышу быстрый удаляющийся топот. Помчался готовить-ся. Маленький взяточник.

Улыбаюсь и прикусываю губу.

– Эль, ну зачем ты опять деньги тратишь? – вздыхает Иринка. – У него этих игрушек уже полный угол.

– Ой, да там ерунда, – отмахиваюсь. – Обычные водяные краски. Ладно, Ирин, давай пока, я уже почти пришла.

Сестра знает, что меня никто не тронет, но всё равно утверждает, что дураков много, поэтому требует, чтобы я каждый раз по приезде ей звонила. Ей так спокойней. А мне не трудно.

Прохожу знакомым старым двором с покосившимися лавочками и сломанной детской горкой, захожу в подъезд и поднимаюсь по скрипучим деревянным ступеням, стараясь не держаться за замызганные перила. Дом двухэтажный, деревянный. Почти аварийный. Уже несколько лет «готовится к расселению». Но, как обычно, дальше разговоров дело не

идёт.

На этаже опять кто-то выкрутил лампочку.

Суки. Только в воскресенье вкрутила. Уже спёрли. Алко-навты поганые. На лампочках экономят.

Роюсь в сумке в поисках ключей и одновременно слышу, как за хлипкой фанерной дверью нарастает знакомый, вызывающий зубовный скрежет ор.

– ...быстро пошла в магазин, сука! – рычит отчим заплетаящимся голосом.

– Митенька, так закрыто уже всё... Не продают после десяти... – мамин голос близко. Значит, стоит в коридоре. Ждёт меня.

– Рот закрой! Сидишь на моей шее! Проститутка! Пошла, я сказал!

– Митенька, миленький... Может, хватит?... Тебе нельзя столько пить...

– Я за свои пью! – грохот, словно что-то упало. – И живу в своей квартире! – голос доносится уже ближе.

За свои он пьёт... Мамину пенсию пропил, тварь. Теперь, конечно, за свои заливается.

– Иждивенка! И нахлебница твоя сейчас припрётся. Сама на шее сидишь, и её посадила, шлюха.

– Митенька, ну зачем ты так?..

Мама всхлипывает, а у меня сердце переворачивается.

– Да где они?... – шиплю под нос и начинаю рыться быстрее.

Наконец, подцепляю завалившуюся за подкладку связку и открываю.

Захожу в квартиру ровно в тот момент, когда отчим заматывается на маму костылём.

– Руки убрал, козёл! – лечу к нему и дёргаю маму на себя. Плечо пронзает резкая тупая боль...

*Скажите честно...
у вас тоже сейчас руки чешутся
дать этому «Митеньке» по голове? Или только у меня?*

Глава 7

В воскресенье возвращаюсь на попутке.

Редкое везение, что на сайте нашлась транзитная машина прямо до нужного города.

В салоне негромко играет музыка. Кроме меня, из попутчиков только одна девушка. Она сидит на переднем пассажирском и о чём-то тихо переговаривается с водителем.

Поэтому я могу просто вытянуть ноги, прислониться лбом к стеклу и молчать.

И думать.

Ненавижу своего отчима.

И ту жизнь, которая началась после пожара. После смерти Серёжки.

Брат был для меня защитой. А для мамы – всем.

Помню, как она гладила его по голове, словно маленького, и тихо говорила:

– Серёженька, папа бы тобой гордился. Ты – наша единственная опора.

И вот опоры не стало...

Короткое замыкание. Огонь. Крики. Запах гари, который, кажется, до сих пор сидит где-то под кожей.

После этого у мамы внутри будто что-то надломилось.

Как мы выживали, лучше не вспоминать.

Встречная машина бьёт по глазам фарами, и я невольно закрываю глаза.

Отворачиваюсь, крепче сжимая кулаки.

Наша жизнь тогда покатила под откос...

И именно тогда появился Дмитрий Андреевич. Участковый, занимавшийся делом о пожаре.

Иринке уже было восемнадцать, я – ещё несовершеннолетняя. По совету «умных людей» он быстро оформил брак с мамой и переписал на меня половину своей квартиры.

Как он говорил – чтобы меня не отправили в детдом. А на самом деле узнал, что его дом планируют внести в списки «под снос». План был простой: при расселении получить две квартиры. Он называл это вкладом в моё будущее, а по факту – хотел захватить себе лишние метры.

Он не раз потом тыкал нас носом в свою «щедрость». Пожалел погорельцев. Приютил.

Вот только расселение до сих пор никак не случилось, а отчим по собственной глупости лишился ноги и стал инвалидом.

Козлина.

Обозлившаяся на всех и спившаяся тварь.

Тру пальцами виски и коротко зло выдыхаю.

Столько раз уговаривала маму бросить его. Но она боится. У отчима остались знакомства, связи. И он обожает напоминать, что в любой момент может устроить нам «райскую жизнь».

Сколько раз просила:

– Мам, давай уедем отсюда. Не такие у него длинные руки, в соседней области он тебя не достанет.

Отказывается. Здесь родные могилки. Родителей, папы, Серёжки...

Замкнутый круг.

Иринка бросила колледж, окончила курсы парикмахеров, работает в салоне. Ей тоже приходится от многого отказываться – жить в съёмной квартире, воспитывать ребёнка и копить на ипотеку очень нелегко. Хотя Игорёк у неё молодец, крутится на двух работах. С ним сестрёнке повезло.

А я... Я не хочу жить в том городе.

Хочу вырваться оттуда. И вытащить маму. Пока не знаю, как. Но сначала нужно вырваться самой.

Тяжело выдыхаю и смотрю в окно, за которым мелькают ярко освещённые улицы вечернего города.

Морщусь, поводя плечом.

Болит.

Удар пришёлся вскользь, но всё равно ощущения не айс.

– Вас где высадить? – оборачивается водитель.

– Возле ТЦ можно? – киваю на здание впереди.

...К общежитию подхожу почти затемно. Двери закрываются в десять, но я успеваю.

На крыльце тусуются студиясы. Шумят, смеются, что-то живо обсуждают.

Прохожу мимо с уже привычно надетой маской холодной

стервы. Так меня бояться. Не лезут в душу. Не суют свои носы туда, куда не просили.

– Элин, привет, – окликает... м-м... Милана, кажется.

Я бы не вспомнила, но на шее у неё приметная татуировка – выглядывающие из-под воротника толстовки языки пламени.

– Привет, – останавливаюсь. – По какому поводу сбор?

– Девчонки хотят скооперироваться, – улыбается она. – Скоро День студента. Неохота тухнуть на нашем дискотеке. А в «Планете» какое-то шоу мутят. По студике пятьдесят процентов скидка. Ты как?

Скольжу взглядом по компании на крыльце. Почти все «свои».

– Звучит весело, – тяну с лёгкой насмешкой. – Кто уже вписался?

– Да почти все наши. С вашего потока тоже народ подтягивается. План такой: сначала официальная часть, потом посмотрим на бесящихся перваков, поулыбаемся для галочки – и сваливаем.

– Не прокатит, – кривлю губы. – Пока разогреемся, в общаге двери закроют. Будем ночевать на улице.

– Так мы хотим с ректором договориться, чтобы продлили дискотеку часов до двух, и в общаге двери на ночь не закрывали.

Фыркаю.

– С ЕГЭ, может, и вышло бы. А с Авой...

– Аву я беру на себя, – оборачивается Кристинка из сорок пятой. – Но сразу предупреждаю: все скидываются на «подарок». Кто потом сольётся или в «Планету» не пойдёт – его проблемы.

– Замётано. Деньги – не вопрос, – усмехаюсь и захожу в общагу.

Подружайки мои уже приехали. Сидят на кроватях, делятся впечатлениями от выходных. Алесья рассказывает о поездке. Морщит нос, но по глазам вижу – довольная.

– Счастливая. А у меня все выходные прошли: примерьте то, посмотрите это, – с кривой улыбкой жалуется Милка.

Мать заставила её в субботу подменять заболевшую сотрудницу магазина. Вот горе-то.

– Прыгаешь перед ними, как цирковая обезьяна, а они ещё нос воротят. Вот тебе, Алесья, повезло. Отдохнула. Хотя и с родаками. Снежка тоже все выходные нифига не делала. А у меня какое-то рабство в чистом виде. Элин, а у тебя как?

– Как обычно, – пожимаю плечами, засовывая в шкаф привезённые шмотки. – Выспалась, прошвырнулась по магазинам, вечером сходила в клуб. Короче, скука смертная.

Вру.

Действительно прошвырнулась. Только не по магазинам, а в магазин. Работать.

Тётъ Лена, папина двоюродная сестра, держит меня на подхвате в отделе женской одежды.

Летом я подменяю девчонок на время отпуска, в учебное

время выхожу по выходным.

А ещё через неё можно брать брендовые шмотки по закупке.

Ну и иногда, как в этот раз, она дарит мне что-нибудь из «залежавшегося» товара. Мы обе делаем вид, что это правда. И обе знаем, что врём.

Но без неё я бы выглядела как бедная родственница.

А мне нельзя.

Скромная пенсия по потере кормильца – это не про красивые шмотки и дорогие клубы.

Но ныть – не мой стиль. Я сама выбрала, как жить. И отступать не собираюсь.

Закончив с вещами, снова сажусь за реферат. Ноут с собой домой не беру – нет смысла. Днём мне некогда, а вечером только бы до кровати доползти. Да и отчим... Если пропьёт его с друзьями...

Нет, хватит о нём думать.

Работай, Элина.

– Элин, – тянет в какой-то момент Милка, – ты что, в отличницы заделалась? Решила преподам всё наперёд сдавать?

– Время тупых блондинок с надутыми губами давно закончилось, – жёстко усмехаюсь. – Если с тобой скучно и поговорить не о чем, никакие губы не спасут.

– Да ладно... – морщит нос Снежана. – Разве плохо быть красивой?

– Красивой – неплохо. Но ещё бы хорошо быть умной, –

не отрываюсь от ноута. – Всё, девочки, не мешайте.

Подсматриваю в прошлогодние конспекты и печатаю. Я не заучка-ботанка, но и хвостов за мной не водится. А голова у меня, как говорил папа, светлая. И не только в плане волос.

Поэтому ещё неделю назад кинула объявление на один сайт: пишу рефераты и курсовые для младших курсов юрфака. Цену поставила не конскую – чтобы клюнули. Выгорит или нет, не знаю.

Пока откликнулась только одна девчонка. Тема знакомая. Почему бы не попробовать заработать?..

...Неделя за неделей пролетают незаметно. За окном уже октябрь, а лето всё никак не хочет сдавать позиции.

Иринке всё-таки удалось затащить маму к врачу.

Кардиолог настояла на госпитализации – обследование, анализы, контроль сердца. А потом мы с Иринкой хотим попробовать выбить направление в санаторий.

Так что у нас сейчас временная моральная передышка.

Приезжая на выходные, теперь ночью у сестры. Находить-ся с отчимом в одной квартире не то чтобы боюсь, просто противно. Перед маминой выпиской приеду и отмою весь устроенный им свинарник.

Правда, он звонит маме и требует, чтобы мы приезжали и ухаживали за ним. Но мы сказали маме твёрдое «нет».

В институте тоже относительно спокойно.

Самерский успел обзавестись новой подружкой. Потом ещё одной. И ещё.

Меня это не волнует.

Слухи обо мне не прижились, а вот моё сарафанное радио сработало идеально. Через неделю после нашего «свидания» он попытался вытащить меня за угол «поговорить».

Я пришла.

И поговорила.

Быстро, громко и без сантиментов.

А уже к вечеру по чатам разлетелось видео, «совершенно случайно» снятое из окна ближайшей аудитории. И там отчётливо слышно, как я ставлю этого самца орангутана на место.

После этого Дипломат притих. Правда, пообещал мне это припомнить.

Я только усмехнулась. Тоже мне, угроза.

С подружками спокойно ходим на пары, иногда гуляем по вечерам или залипаем в комнате.

Реферат я дописала и почти сразу получила ещё два заказа. Это греет душу. Деньги небольшие, но других тихих способов заработать у меня здесь нет.

Любопытная Милка пару раз пыталась выведать, что у меня там за «секретный проект», над которым я так упорно торчу.

Пришлось скормить легенду, что переписываюсь с одним чересчур заумным мажором – ничего серьёзного, обычный флирт. Для поддержания формы.

С комендой у нас холодный нейтралитет. Я здороваюсь –

она делает вид, что меня не существует. Меня это вполне устраивает.

С ботаном мы не общаемся.

Точнее... общаемся молча.

Я вижу его по несколько раз в день: утром на лестнице, днём в коридорах или рекреациях альма-матер, а по вечерам – неизменно на лавочке у общаги.

И на эти его спокойные «Доброе утро-день-вечер, Элина» отвечаю таким же спокойным кивком.

Зеркалю.

Хотя всё чаще ловлю себя на том, что хочется улыбнуться.

И это бесит.

Потому что я не хочу хотеть.

Кристинка ещё на прошлой неделе сообщила, что с ректором всё порешали. Тот дал добро на продление дискотеки и отдельно поговорил с Авой.

Уже подмазанная коменда для вида немного повыпендривалась, повздыхала о морали, а потом всё-таки снизошла до величайшего согласия. Но с одним условием.

Дверь будет работать только на вход. И только до трёх ночи.

– У меня здесь не притон, а солидное общежитие, – заявила она. – Туда-сюда я никому бегать не позволю.

В означенный день пары, как обычно, сократили.

Мы с подружками тщательно собираемся. Макияж парадно-выходной, агрессивный. Одежда – клубная. Мы же не

перваки, чтобы тащиться в наивных платьишках и капронах.

В альма-матер приходим, как положено, и стоически выдерживаем торжественную часть.

Благо, ректор верен себе, и долго болтологией не занимается.

Кидает короткую пафосную речь о первых шагах в большую жизнь и «студенческом братстве», дарит первакам какие-то ручки и дешёвые блокноты с эмблемой вуза, после чего в зале гасят свет и включают светомузыку.

Начинается дискач.

Некоторое время тусуемся, разогреваясь.

Музыка гремит, свет режет глаза, воздух густой от духов и запаха свежего перегара.

Мимо протискивается Самерский. Одной рукой тянет за талию какую-то девицу, а другой демонстративно хлопает меня по заднице.

Открываю рот, чтобы выдать ему пару ласковых, но его уже закрывает чужая спина.

– Вот мудака... – шиплю зло и резко отворачиваюсь.

Маринка с параллели машет рукой.

Пора валить.

Потихоньку пробираемся к выходу.

В коридоре шум и гам. Смех, крики, топот. Студioзые веселятся даже здесь.

Преподы, поставленные «для порядка», делают вид, что

ничего не происходит, лениво переговариваясь или залипая в телефонах.

Краем глаза цепляюсь за движение у одной из аудиторий. Каждый год одно и то же.

Кто-то из старших приносит шампусик с «сюрпризом» и подсовывает его наивным первокурсникам. А потом они смеются громче обычного, цепляются друг за друга, теряют тормоза и начинают творить глупости, за которые утром будет стыдно. Или больно.

Я этой участи в своё время избежала. Потому что не падкая на халяву. И слишком злая, чтобы мной пользовались.

– Оль, давай быстрее! – смеётся одна из девчонок, выглядывая из аудитории.

Нас обгоняет смутно знакомая шатенка. Кажется, видела эту тихоню в общежитии.

Дура.

Делаю шаг в сторону и незаметно подставляю ногу. Она летит вперёд, нелепо взмахнув руками, падает на четвереньки.

Смотрит на порванные колготки и сбитые коленки. Переводит взгляд на меня.

– Ты зачем это сделала?.. – наивные серые глаза наполнены слезами.

Сердце неприятно дёргается. Давлю это ощущение.

– Под ноги смотреть надо, – холодно бросаю, обходя.

Пусть злится. Пусть ненавидит. Зато развернётся и пойдёт

в общагу.

Уходим.

До «Планеты» добираемся пёхом. Можно было взять такси, но тут недалеко. И ночи ещё тёплые.

В клубе полно наших. Движуха уже на максимуме.

Музыка бьёт по ушам, свет рвёт пространство вспышками, толпа движется одним импульсом.

Поток входящих тянет нас к бару, но мне неинтересно. Ташу подружек на танцпол.

Веселимся по упаду. Прыгаем, смеёмся, орём друг другу что-то в ухо под басы.

Программа реально огонь.

Вот только жарковато.

В какой-то момент наклоняюсь к Милке и кричу ей в ухо, что сейчас вернусь.

Протискиваюсь к выходу.

На улице сразу становится легче.

Прохладный ночной воздух обжигает разгорячённую кожу. Дышу глубоко и медленно. Прихожу в себя.

Достаю телефон.

Сообщений от мамы или Иринки нет.

Значит, всё нормально.

Собираюсь возвращаться, но в этот момент кто-то резко хватает меня за талию, разворачивая к себе. Жёсткие пальцы больно впиваются в рёбра.

– Вот ты и попалась.

Поднимаю голову и молча смотрю в злые зелёные глаза.

Глава 8

На одно короткое мгновение теряюсь. Воспоминание накрывает внезапной, яркой и острой вспышкой.

... Чужие, жёсткие руки больно сжимают и задирают футболку. Холодная усмешка, циничный прищуренный взгляд:

– Вот ты и попалась.

В груди вспыхивает паника. По вискам кровавым импульсом бьётся: «Помогите...», но наружу вырываются только жалобные всхлипы:

– Не надо...

Тяжёлое дыхание у самого уха, запах перегара и пота...

– Не ной. Тебе понравится.

А потом окрик. Дикий животный рык:

– Руки убрал!

Звуки ударов и чьи-то болезненные хрипы.

Меня обволакивают надёжные объятия брата. Рваный стук его сердца под моей щекой.

– Запомни, сестрёнка. Не можешь справиться, бей и беги.

... Резко моргаю, возвращаясь в реальность.

Натягиваю на лицо улыбку.

– Антон... Какие люди, – тяну с улыбкой, почти мурлыча.

– Ты-то мне и нужен.

Хватка слабеет. В зелёных глазах мелькает растерянность.

– Правда?

– Конечно, милый. Я тебе тут кое-что задолжала.

Кладу ладони ему на грудь, чувствуя, как он замирает. Сначала от неожиданности, а потом... от предвкушения.

Да, милый, верь мне. Я тебе действительно задолжала. Долг платежом красен.

Медленно скольжу руками выше, поднимаясь на цыпочки и сокращая расстояние до опасного минимума.

Взгляд Самерского темнеет, становится тяжёлым и липким. Пальцы уже не держат – ползут ниже, нагло, собственнически щупают, прижимая к себе.

– И что же? – выдыхает он, склоняясь.

Опускаю ресницы и выдыхаю прямо в губы:

– Вот... это.

Резко хватаю его за куртку, делаю шаг назад и бью коленом.

– Су... – он сгибается пополам, захлёбываясь воздухом и зажимая ладонями пострадавший орган.

Отскакиваю.

– Ещё раз тронешь меня – урою, – цежу сквозь зубы. – Понял?!

Не дожидаясь ответа, разворачиваюсь и бегу в клуб.

Теперь он точно не отстанет...

Плевать. Либо жрёшь ты, либо жрут тебя.

Сжимаю зубы, ускоряя шаг.

Не знаю, Серёжка... Может, ты и неправильно меня учил.

Но пока работает только твой путь. Путь силы.

Вклиниваюсь в толпу танцующих.

Музыка бьёт по ушам, свет раздражает. Сердце нервно и болезненно колотится где-то под горлом.

Сейчас главное – успеть.

Бей и беги...

Нахожу двух своих подружек на диване в обнимку с какими-то бородатыми типами.

– В общагу. Быстро, – командую, дёрнув подбородком в сторону выхода.

– Элин, ты чего?.. – растерянно тянет Снежка.

– Мы же танцуем, – смеётся Алеся, сильнее прижимаясь к откровенно лапающему её «дяде».

Танцует?!

Нельзя на минуту оставить...

Медленно перевожу взгляд на мужиков, сканируя их прожигающим, холодным взглядом. Они тут же считывают моё настроение и немного отстраняются.

– Где Милка? – спрашиваю, не сводя с них глаз.

– Кажется... к бару пошла... – переглядываются подружки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.